

НИКОЛАЙ НИКОНОВ

СОЗВЕЗДИЕ КАКТУСОВ

4237
КН64 А

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

21/I - 275

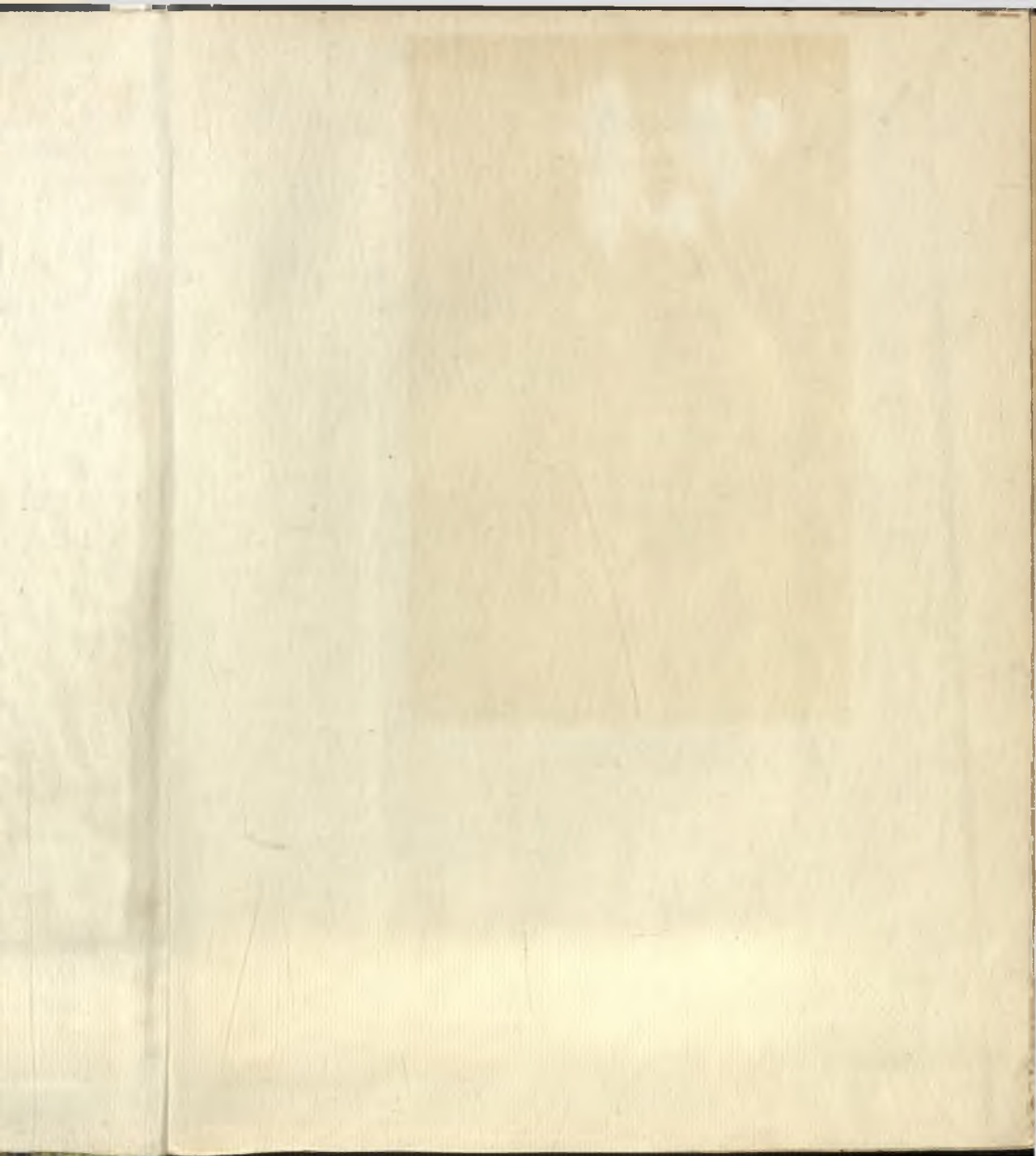
21/VI 177

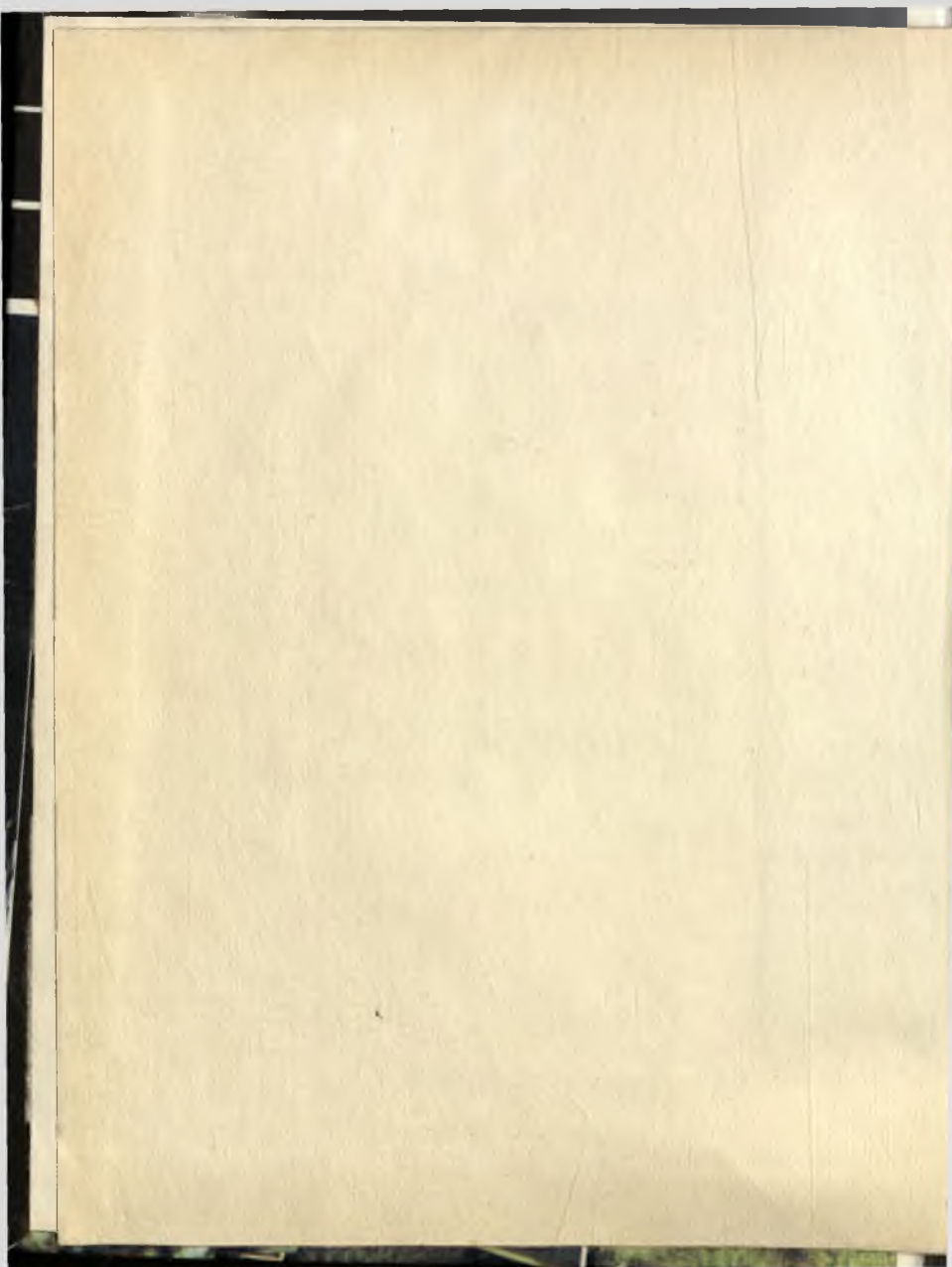
10/VI - 1204

16/IV

16/XII - 250

З ТМО Т. 1 илл. З. 3484--80

Николай Никонов

к 42.37
Н64 - А

◆
**СОЗВЕЗДИЕ
КАКТУСОВ**

ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ

Второе дополненное
издание

+ 0 12.193-2

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

Автор более тридцати книг, Николай Никонов счастливо соединяет в себе наблюдательность и изобразительный дар писателя с обширными знаниями и увлеченностью натуралиста. Уральским читателям хорошо знакомы не только повести и рассказы Никонова, но и дважды издававшаяся его книга «Певчие птицы». Увлечение миром пернатых не помешало Никонову стать тонким знатоком мира растений — и родных российских, и таких экзотических, как кактусы, которые писатель коллекционирует вот уже три десятилетия.

В книге «Созвездие кактусов» Н. Никонов рассказывает о жизни этих удивительных растений, делится своим опытом кактусовода-любителя. Изданная в Свердловске в 1978 году, книга была с большим интересом встречена читателями. Готовя «Созвездие кактусов» к новому изданию, Н. Никонов внес в текст ряд уточнений и дополнений. Написаны, в частности, новые главы «Особенности содержания редких кактусов» и «Цветение кактусов». В конце книги автор отвечает на некоторые вопросы, содержащиеся в обширной читательской почте.

ОТ АВТОРА

Книга, которую вы взяли, не является стандартным руководством по выращиванию кактусов, хотя и такие сведения в ней имеются.

Главная цель автора — поделиться радостями открытий и наблюдений, сделанных за три десятилетия общения с колючим миром кактусов. При этом автор смеет утверждать, что кактус — это больше чем растение, это как бы существо со своими собственными привычками, откровениями и загадками.

И только тот, кто воспринимает кактусы именно так, пользуется благосклонностью этих детей природы.

Книга не содержит и не может содержать описания в с е х в и д о в кактусов, что невозможно хотя бы исходя из ее объема, да, по-видимому, и не требуется, ибо нет на Земле и такой коллекции, которая содержала бы в с е виды.

Автор берется рассказать о наиболее интересных, «трудных» и редких видах и родах семейства кактусовых и заранее приносит извинения тем любителям,

которые, как это всегда бывает, будут упрекать его за то, что он изложил какие-то аспекты не так, а они знают лучше и глубже. Естественно,

что в книге обобщается не только личный опыт, но и новейшие сведения в области кактусоводства, так или иначе опробованные и перепроверенные автором.

Список литературы о кактусах читатель найдет в конце приложения. В книге использованы фотографии растений из коллекции автора.

Если вам встретится растение, приближающееся по форме к идеальному шару, к сплюсченной сфере, полушарию, многоугольнику, кубу, цилиндру, многограннику или пирамиде,— скорее всего это будет кактус.

Если вы видите растения, похожие на колонны, столбы, палицы первобытных охотников, скипетры и державы, на булавы, шерстоперы, на ежей, дикобразов, ершики для мытья бутылок, на клочья хлопка, подушки мха, куски гранита, изделия из камня, нефритовые безделушки, орденские звезды, ананасные, еловые и сосновые шишки, на голову старого волшебника, на морских ежей, на бутылки, блюда, пуговицы от пальто и вообще уже ни на что не похожие уродливо причудливые куски и комья живого зеленого и шерстистого вещества,— все это кактусы.

Если вы встретите цветки, похожие на майские желтые одуванчики, на желтые же ромашки-пулавки, на чашечки мака, на ландыши без черешка, на мелкие подснежнички, на белые лилии, колокольчики всех цветов — от палевого до зеленого, сиреневого и нежно-фиолетового, если вы увидите крохотные цветочки, подобные жемчужинкам, нанизанным на гирлянду или торчащим из каждой зазубринки-пазушки плоского «листа», или цветы, образующие хороводы на стебле растения или бьющие вверх цветным «фонтаном» белого, желтого, розового и красного цвета, или наткнетесь на цветы-громошины до полуметра в размахе крайних лепестков, белые, пахучие и светящиеся в темноте,— все это тоже кактусы.

ПУТИ ПОЗНАНИЯ

1.

ОТКРЫТИЕ

Было мне лет семь, а может быть, и того меньше. Я шел по теневой стороне нашего узенького, заросшего тощей лебедой, одуванчиками и подорожником переулка, до того родного мне, привычного, как все тут: дома, заборы, ветхие осветительные столбы со ржавыми абажурами,— столбы, почему-то называвшиеся телеграфными,— что переулок как-то и не воспринимался, а просто входил в мой мир, был всегда со мной,— и вдруг я увидел нечто странное. На окне одного из домишек, припавшего к земле, наклоненного и прислушивающегося, на подоконнике, заставленном обыкновенными геранями и бархатцами в консервных банках, сидел круглый шетинистый ежик с пестрыми, отливающими сизо-черной сталью коллочками. Ежик сидел в единственном тут глиняном горшке.

Растение такое было мне совершенно незнакомо. В том, что это растение, я, пожалуй, не сомневался: посажено в горшок, и цвет между иглами глянцевоый, живозеленый... Но откуда такие иглы и круглая форма и никаких листьев, даже намек на них? Словно бы совместились в этом чуде и растительное и животное. Да и сам вид ежика был загадочно как-то смеющийся. Может быть, это плод? Что-нибудь вроде гигантского репья? Или чертополоха? Нет, оно все-таки не походило на плод, оно именно росло и, по-видимому, на корнях, как и подобает растению.

Я долго в задумчивости стоял перед окном домишки. Жила в нем какая-то старуха, похожая на ветошницу; сколько я ни видел ее, все тащила что-нибудь к себе: то оторванную доску, то щепки

в мешке, то тряпье, то ковыляла на базар с пучками моркови, укропа и лукового пера. Откуда у нее могло взяться такое диво?

Где мне было знать, что примерно четыреста лет назад, может быть, с таким же или еще большим изумлением рассматривали матросы Колумба подобные растения где-то на песчаных прибрежьях только что открытых островов. Именно испанцы, спутники Колумба, столкнулись в первом же путешествии с кактусами, и, как знать, не один ли из отростков, отпрысков тех колумбовых находок, рос теперь в нашем глухом, забытом времени переулке на старухином окне. Скорее всего так оно и было...

Может быть, читатель ждет, что с этого открытия и началось мое собирательство — любовь, страсть, увлечение... Нет. Наверное, всякой страсти, подобно заболеванию, необходим некий скрытый инкубационный период с тем, чтобы потом вдруг неожиданно для «инфицированного» — употребим здесь и второе сравнение из медицины — проявить себя резко, бурно, со всеми признаками заболевания и потрясения: жаждой, ознобом и неумными желаниями.

Чтобы закончить о первой встрече с кактусом, скажу лишь, что я восторженно описал «ежика» родителям, получил от них информацию, что это кактус, растет в пустынях, что его можно не поливать, и на этом удовлетворился, как удовлетворяется подобными же знаниями большинством людей, и не подозревающих, как неверно они представляют жизнь кактусов. О «ежике» я перестал как будто вспоминать, тем более что старуха из двухоконного домика куда-то девалась, исчезли с окон герани и бархатцы, потом и самые окна закрыли на ветхие, серые с вековой прожелтью ставни, заколотили их поперек досками, а там подошло то, что неминуемо подходит к, казалось бы, самому долговечному: дом разобрали, а за ним начал исчезать как-то с обоих концов и наш переулок, так что теперь помнят его разве старожилы да остался он еще вместе с тем домишком в моей памяти.

Возможно, что я редко вспоминал про кактус еще и потому, что всякого рода увлечений с избытком хватает в детстве. Увлечения перебивают друг друга, наслаиваются, мешают, идут одновременно и вместе, — тут могут быть и камни, и бабочки, и птицы, и жуки, и путешествия, и рогатки, луки со стрелами, индейские обычаи пле-

мени черноногих и навахо — мало ли что еще, чем увлекаются азартно, с отдачей себя всему новому целиком, всему открывающемуся и открытому как будто лишь тебе, для тебя и твоим детским умом... Не самая ли это счастливая пора, оттого что в ней больше всего открытий?

Наверное, я всегда любил растения и терпеть не мог ботанику, по крайней мере тогда, с тех пор, как столкнулся с нею, преподававшей по удивительно казенному учебнику. Растения я любил по-разному. С одной стороны, простая и родственная, если можно так сказать, потребительская любовь, присущая каждому, кто с пеленок рос в усадьбе, где есть огород, сад, двор и, следовательно, своя лебеда, своя крапива, своя гусятная трава, разные там хлопчушки, «царские кудри», «калачики» и так без числа, ведь любое самое непонятное растение на детском языке имеет свое название, чаще всего произведенное от исследования на зуб, на вкус, на ощупь и на запах — кому не известно, что одуванчик горький, полынь еще горше, хуже не бывает, лебеда пресная, конопля терпкая, черемуха — вот бы и сейчас пожевал, крапива, если хотите, сами попробуйте, — ко всему этому, не говоря про горох, бобы, морковь, малину, лук, огурцы, помидоры, репу, — ко всему ты земно причастен, так же как к своему небу, крылечку, отцу-матери, заборам, поленницам — и мало ли еще к чему. Но я хочу сказать и о любви другой, более возвышенной и более изысканной. Другая любовь — это любовь к экзотике, к растениям дивным и чудным: к пальмам, панданусам, орхидеям, тропическим голубым кувшинкам, манграм, баобадам, пампасовой и слоновой траве, ко всякого рода лианам, бромелиям, ротангам и бамбукам — всему таинственно неведомому, что составляет понятие тропики, южные страны, дальние берега...

Замечено, что интересующиеся многим, как правило, не достигают совершенства ни в чем. На этот счет есть две восточные поговорки — одна из них гласит: знающий сто ремесел не знает ни одного; другая: тот, кто хвалит всех, не любит никого... И все-таки можно утверждать, что иногда из многообразия страстей, именно

из этой коллекционерской всеядности в конце концов, как из пресыщенного раствора, начинает выкристаллизовываться одно, а иногда и два-три больших и прекрасных увлечения.

Тот зеленый веселый эхинопсис (конечно, это был самый заурядный кактус, с точки зрения искушенного любителя), возможно, не привел бы меня к собиранию и выращиванию кактусов, он был лишь запалом, капсулом, а ведь капсулы дают и осечки. Нужно было еще что-то, чтобы этот капсуль дал взрыв, движение, говоря языком техники. А тем временем грянула война, и надолго заглохло, отдалилось все, что росло и цвело в душе или ждало этого цветения,— заменилось житейской болью, тревогами, голодными днями, всем, что составляет страдное и страшное в своей сути понятие «война».

Дорога к кактусам открылась много лет спустя после войны, когда я опять невольно и опять на чужом окне увидел уже другой кактус. Это была опунция — растение с овальными колючими «лепешками», которое тотчас воскресило в моей памяти известным всем рисунком: пустыня, пирамиды, верблюд и эта самая опунция, ошетиленная иголками. Будучи к тому времени человеком уже достаточно просвещенным, я понимал, что все на таком рисунке неверно, ибо пирамиды находятся в Африке, на окраине Сахары, верблюд, по крайней мере двугорбый, животное азиатское, а опунция — растение из Америки. Конечно, сейчас же можно и возразить, что верблюдов теперь распространили по всему свету, а опунции растут ныне и в Египте, и в Испании, и на Кавказе, но все-таки истина дороже, и знать ее надобно каждому. Немало еще литераторов, к сожалению, населяют Африку тиграми, Америку львами, крокодилов называют земноводными, об «африканских кактусах» читаешь сплошь и рядом, даже у, казалось бы, весьма серьезных авторов, таких, к примеру, как Йенс Бьерре в книге «Затерянный мир Калахари».

«Помня, что спуск занял семь часов, мы начинаем подъем до того, как солнечный свет достигает дна каньона. Греющиеся на солнце ящерицы с любопытством провожают нас взглядом и исчезают между камнями. Вот лежит сброшенная какой-то змеей кожа, вот несколько кактусов в цвету...»

Нет, не кактусы цвели в каньоне среди пустынной Калахари — здесь живут не менее удивительные растения (так и хочется сказать существа), так же своеобразно приспособленные к экологическому режиму пустыни: зною, безводью, сезонным дождям и перепадам температур — это могли быть виды группы мезембриантемум, литопсы, конофитумы — «живые камушки». В Калахари есть растения, подражающие кактусам, замещающие их на Африканском материке, — кактусоподобные, как, например, молочай *Euphorbia horrida*, *Euphorbia meloformis*, *Euphorbia obesa*, либо растения, целиком погруженные в почву и выступающие на поверхность своеобразные прозрачные линзы-окна, через которые проникает в них свет; есть в Калахари и целые мощные «деревья», скрытые «стволом» и «сучьями» под землей...

Но мы уклонились от темы — вот только дай себе волю... Опуния же, увиденная на окне, и произвела давно готовившийся взрыв страстей. Почти каждый день проходя мимо того окна, я бросал на него, как писали в старину, жадные взоры. Опуния манила меня, точно некая красавица. Кстати, почему не может быть красавицы с именем Опуния; они ведь, говорят, тоже с колючками и тоже редки, пусть простят автору такую вольность те, кто ждет поскорее описания опунций, их посадки, выращивания и точного видового названия, тем более что тогда я его не знал... В магазинах «Цветы» — были они в те дни до безобразия бедны, и купить там можно было лишь столетник-алоэ, гортензии, аспарагусы и еще что-то немудреное в унылых горшках — об опунциях слыхом не слыхали. В ответ на вопрос продавца: «А что это такое?» — я, горько махнув, уходил. Сие, наверное, и заставило меня решиться на отчаянный шаг и позвонить в незнакомую квартиру. Может быть, сейчас, тридцать лет спустя, меня просто бы не пустили за порог, но тогда нравы были не столь строги. Хозяин в полосатых пижамных брюках не только широко распахнул дверь, не только позволил уколоться об опунцию, но еще и щедро отломил мне без всяких просьб большую лепешку и снабдил устной инструкцией к выращиванию — все это с улыбками, с добротой невыносимой, на которую я сам, очевидно, совершенно не способен. Так на моем окне появился первый кактус. Мой кактус. И начался период

собиранья, первичный и начальный, точнее его можно было бы назвать «оконным», имея в виду не столько свое, сколько чужие окна, «попрошайническим» или еще того хуже...

О периодах собиранья ниже будет сказано, а кактус мой, без всякой, впрочем, надежды, после подсушивания в течение двух дней (владелец рекомендовал сушить неделю-другую, но я так боялся потерять лепешку-черенок, что не мог вынести такого ожидания) был посажен в обычную жирную и черную землю с добавлением малой толики песку. Я посадил бы и вообще в один песок, помня, что опунция родом из пустыни, но даритель не рекомендовал мне этого, и сама его опунция росла в черной садовой земле. Недели три кактус был без признаков жизни. Оглядывая его всякое утро и всякий вечер, я лишь удовлетворенно отмечал, что опунция не гибнет, не сгнила и не свалилась. А на четвертую неделю на одном из округлых боков лепешки обнаружилась ярче других зеленеющая точка, уже на другое утро точка превратилась как бы в зеленый бутончик, а «бутончик» с каждым днем все ярвственнее стал превращаться в новую ярко-зеленую и необычайно прекрасную, как мне тогда казалось, лепешку. Кактус ожил! Много с тех пор миновало времени, тысячи самых разных кактусов довелось мне видеть, иметь и выращивать, но никогда уж не было такой свежей радости, как от той первой лепешки-побега, растущей как будто не по дням, а по часам. Кактус ожил. Он дал начало всей моей коллекции, а возможно, и этой книге.

Хотелось мне в ней рассказать о кактусах с момента их возникновения на Земле, рассказать о своей гипотезе их распространения, поделиться опытом как собственным, так и собранным и проверенным, хотелось, чтоб кактусы стали друзьями каждого неравнодушного к чудесам природы. Тридцать лет отделяют начало коллекции автора от этих строк, и все кажется, что мало еще изучен кактус, лишь начал приоткрывать свои тайны; строптивное, замкнутое, неразговорчивое это растение, и многое-многое еще не понято в нем, хотя попадаетея и немало любителей с апломбом, мнящих, что знают и ведают все. Забывают они только, что истинная мудрость не растет на догме, что там, где воцаряется самодовольство всезнания, кончаются и удивления, и открытия, и сама радость

находок. Идти же к открытиям приходится с усвоения и повторения простого, с тех известных истин, подвергая сомнению которые только и можно прийти к открытию нового...

2.

ОТ КАНАДЫ ДО ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

Уже говорилось, что если вы встретите кактусы в Египте, Индии, Испании, на Лазурном берегу или на Черноморском побережье, все это будут кактусы-переселенцы либо растения, внешне похожие по законам конвергенции, когда в близких условиях существования даже очень разные виды обретают сходство, как, скажем, акула и дельфин.

Кактус — дитя Америки и не обязательно Мексики, хотя в Мексике эти растения представлены, пожалуй, самыми удивительными, самыми разнообразными и самыми древними формами. Мексика невольно представляется местом возникновения кактусов или же своего рода естественным заповедником, где они многие тысячелетия развивались в мало меняющихся климатических условиях. Кактусы же появляются уже на суровых плоскогорьях Канады, индейской «страны Северного ветра» и далее распространяются от скалистых каньонов Вайоминга и Колорадо, через пустыни Аризоны и Техаса, через хребты мексиканской Сьерры, невысокие горы Центральной Америки и пояс Анд в Америке Южной до пасмурных побережий Огненной Земли и бесчисленных бухт Магелланова пролива. Везде растут и цветут кактусы, кактусы, кактусы, то соседствуя с горной елью и осинолистым тополем в Канаде, то среди жестких трав, колючего чаппарала в Мексике, то на отвесных скалах, на застывших и голых лавовых потоках, то в песках, то в жаркой саванне либо на морских побережьях, иногда окатываемые прибоем, рядом с упавшими пальмовыми орехами и пустыми раковинами, разнообразие которых ведаёт только природа.

Кактус — дитя Америки.

Но почему? Почему кактусы — если не считать некоторых эпи-

фитов-рипсалисов — встречаются еще только кое-где на островах Океании, занесенные туда явно птицами и течениями, и больше их нет нигде, если не считать «переселенных» человеком? Почему? В конце концов растет же бамбук, пусть разных видов, в Южной Азии, в бассейне Конго, на Амазонке и даже в Австралии, и точно так же распространены многие другие семейства: орхидеи, бромелии, пальмы... Загадка кактусов еще не разгадана полностью, можно лишь предположить, что они — растения более «молодые», чем орхидеи, бромелии и пальмы, разумеется, относительно молодые, ибо растения вообще долговечнее в смысле существования семейства, рода, вида, чем животные, и мамонты, например, бродили когда-то среди вполне современных ивняков, берез и елей. Итак, предположив, что кактусы сравнительно молодая и позднее других развившаяся группа, мы можем высказать и второе предположение, что они появились уже тогда, когда Американский континент отделился от гигантского праматерика древней суши и новые растения не могли преодолеть все расширяющуюся и расширяющуюся колоссальную «щель» Атлантики.

Теория движения материков, высказанная почти одновременно рядом ученых, но логически обоснованная Вегенером, долгое время отвергалась и осмеивалась, однако сейчас она, пусть с оговорками, принята большинством ученых, и странно даже, что вполне очевидная эта теория дрейфа материковых масс так долго оспаривалась. Земля живет, подобно живому существу, непрерывно меняется ее лик, воздвигаются горы, уходят под воду участки суши, рождаются острова, разрушаются горные цепи, бьется ее горячее атомное сердце-ядро, пульсирует, вырываясь на поверхность, земная кровь-лава, ни секунды не остается в покое атмосфера, движется по не уточненным еще законам вода океанов, и само вращение гигантского шара не свидетельство ли его своеобразной жизни? Сомневаться в движении материков можно так же, как в движении часовой стрелки, на первый взгляд совершенно неподвижной...

Итак, Атлантика была уже настолько широка, что ни с помощью ветров, ни с помощью крыльев,— если тогда еще не было птиц, то были, конечно, летающие ящеры,— преодолеть расстояние между континентами кактусы не могли.

Но почему именно кактус стал своего рода символом огромного континента обеих Америк — ведь смысл этого растения связан как будто с недостатком влаги, хронической сухостью, жарой и пустыней? Раз кактусы растут по всей Америке, значит, некогда был период, и возможно не один, когда климат повсюду становился суше, исчезали влажные леса, пересыхали реки и болота, и мир растений либо погибал (что такое каменный уголь, как не погибшие древние леса), либо, выживая, приспосабливался к изменившимся условиям. Жизнь и сегодня проявляет поразительную устойчивость, не прекращаясь ни в термальных источниках, ни в ледяных ключах, текущих с альпийских снежников, ни в глубинах с фантастическим давлением, куда лишь недавно заглянул человек, ни на высотах, граничащих с космосом. И пусть кто-то из скептиков сказал, что жизнь на Земле всего лишь налет плесени на корочке сыра, мы-то знаем, как могуча может быть плесень, иногда ее вполне достаточно для того, чтобы погубить самый большой сыр...

Возвращаясь к кактусам, хочу заметить, что, по-видимому, они сформировались именно в периоды повышения континентальности. Не подобный ли процесс идет и сегодня, на наших глазах и замечен даже в крошечные относительно планетного существования периоды человеческой жизни, но сейчас он ускорен деятельностью человечества. Кто может сказать, что на протяжении его жизни такая-то река (речка, ручей) стала полноводнее, озеро шире, болото «топче», дожди обильнее? И сейчас еще легко найти древние русла рек по былым откосам и обрывам, точно так же как находят остатки древних челнов, казалось бы, в совсем неподходящем сухом месте, далеко от нынешнего озера. Какие реки текли по Земле, какие озера-моря плескались, когда таяли ледники, знает лишь подсознательная память человечества да всеведущая геология. Совершенно так же, но уже, как в микромодели, знаем мы в течение своей жизни «мочливые» и сухие годы и целые периоды лет, равно как в истории Земли период возрастающей континентальности, всегда связанный с усилением вулканической деятельности, поднятием суши и накоплением льда, сменялся периодами тепла и влаги на десятки и сотни тысяч лет.

При всей кажущейся стройности современной географии, геоло-

гии, геофизики многие положения этих наук пока лишь гипотезы, и если ученые могут с точностью до десяти тысяч лет исчислить прошедшие оледенения и межледниковья, никто еще с абсолютной убедительностью не доказал, что вызвало массовую гибель динозавров или древних млекопитающих, что положило под слой вечности гигантские леса, равных которым уже никогда не росло на Земле. Самое же естественное объяснение — изменение климата в сторону континентальности, сухости и холода — не более чем следствие чего-то другого и очень значительного: загрязнения атмосферы дымом вулканов (сегодня вулканы заменило усиленно дымящее человечество), прохождения Земли вместе со всей Солнечной системой через облака космической пыли, задерживающие солнечный свет, изменения наклона земной оси и, наконец, наиболее вероятное — изменения места полюсов и перемещения материков.

Развитие же кактусов, очевидно, шло на фоне нарастающих засух, вот почему излишними оказались у этих растений сильно испаряющие воду листья, их роль взяли на себя стебель и так называемые ареолы, — род подушек, почек или узлов на теле кактуса, оснащенных вместо листьев колючками или пухом, шерстистым веществом или длинными щетинами. Стебель принял предельно компактную форму, какой является шар, круглая лепешка или колонна, кожица с редкими, хорошо запирающимися устьицами покрылась толстым слоем кутикулы, на поверхности шара или колонны появились бугры или ребра, позволяющие расчленять и рассеивать солнечный зной, проводить к корням струйки росы, увеличивать объем кактуса, либо сжимать его наподобие меха. Преобразованию подверглась и корневая система, способная либо собирать воду-росу из верхних слоев почвы, либо запастись ее вместе с питательными веществами в самом корне, либо вообще служащая лишь для прикрепления кактуса и не играющая в его жизни большого значения. Добавим, что кактус обладает способностью удерживать воду в желеобразном состоянии.

Словом, кактусы замечательно приспособились к жизни в пустыне... Однако почему же в пустыне? Да, многие кактусы способны выдерживать и зной, и длительное, годами, существование без дождя, однако растут они и в других ландшафтных зонах: горах, саван-

нах, пампасах, даже на заливных лугах. Разнообразие видов и мест обитания (биотопов) так велико, что, пожалуй, только на ледниках-глетчерах с кактусами не встретишься, хотя «идут» они в горы на высоту до 4000 и даже 5000 метров. Кактусы благоденствуют в местах, иногда самых неподходящих: они растут на деревьях, ползут по земле подобно лианам, свешиваются кучками листоподобных стеблей из дупел, селятся в трещинах коры, прячутся в травах и под сенью тропических водопадов, припадают к земле и стоят открыто под отвесным солнцем экватора, цветут на глинистых, твердых, как бетон, «такырах» и уже в совсем бесплодных вроде бы камешниках, скалах, осыпях, обрывах, не говоря уже про пески. В песках, однако, встречается меньшее число видов, чем в других биотопах.

Такое разнообразие мест обитания сделало кактусы несхожими и по внешнему виду и по режимам развития и роста,—каждый род этих растений по-своему чудо смысла, совершенства, воплощения практической, логической и эстетической мысли природы. Разумеется, любитель орхидей станет утверждать, что они во всем превосходят кактусы, собиратель модных ныне бромелий начнет превозносить своих любимцев, а знаток африканских суккулентов будет только ухмыляться с видом человека, уверенного в неизмеримом превосходстве своих подопечных... Но не будем ввязываться в бесплодный спор — он подобен спору о женской красоте: для многих она имеет совершенно противоположные критерии при не исследованной еще общей сути.

Число описанных видов кактусов, даже без разновидностей, близится к 4000 видов. Учитывая изменчивость этих растений, можно было бы «сузить круг» до полутора-двух тысяч, в то время как в иных руководствах, скажем, в «Иллюстрированной энциклопедии растений», названа, по-видимому, ошибочная цифра — пятнадцать тысяч видов.

Если орхидеи поражают причудливостью и красочными радугами цветов при относительной невзрачности своих стеблей и листьев, то кактусы поражают воображение и формой, и окраской, и цветами, и колючками, и образом жизни.

Если вам встретится растение, приближающееся по форме к

идеальному шару, к сплюсненной сфере, полушарию, многоугольнику, кубу, цилиндру, многограннику или пирамиде,— скорее всего это будет кактус.

Если перед вами растения фиолетового, коричневого, всех оттенков серого, зеленого, красноватого, желтого, оранжевого, лилового, голубого, черного, белого и даже синего цвета,— вполне возможно, что это кактусы.

Если вы видите растения, похожие на колонны, столбы, палицы первобытных охотников, скипетры и державы, на булавы, шерстоперы, на ежей, дикобразов, ершики для мытья бутылок, на ключья хлопка, подушки мха, куски гранита, изделия из камня, нефритовые безделушки, орденские звезды, ананасные, еловые и сосновые шишки, на голову старого волшебника, на морских ежей, на бутылки, блюда, пуговицы от пальто и вообще уже ни на что не похожие уродливо причудливые куски и комья живого зеленого шерстистого вещества,— все это кактусы.

Если вы встретите цветки, похожие на майские желтые одуванчики, на желтые же ромашки-пухлячки, на чашечки мака, на ландыжи без черешка, на мелкие подснежнички, на белые лилии, на колокольчики всех цветов — от палевого до зеленого, сиреневого и нежно-фиолетового, если вы увидите крохотные цветочки, подобные жемчужинкам, нанизанным на гирлянду или торчащим из каждой зазубринки-пазушки плоского «листа», или цветы, образующие хоровады на темени растения, или бьющие вверх цветным «фонтаном» белого, желтого, розового и красного цвета, или наткнетесь на цветы-громадины до полуметра в размахе крайних лепестков, белые, пахучие и светящиеся в темноте,— все это тоже кактусы, цветы же могут открываться ежедневно на протяжении нескольких недель или быть скоротечными, как жизнь поденки.

Колючки и шипы¹ кактусов вошли в поговорки. Считалось, что они служат для защиты растения, на самом же деле новейшие исследования показывают, что колючая оборона играет подсобную роль, главная же функция колючек и шипов, представляющих собой

---

¹ Здесь и далее автор употребляет слово «шипы» лишь как синоним слова «колючки».

12193-2

не что иное, как редуцированные, измененные листья или части почки — ареолы — защита кактуса от солнца путем рассеивания его лучей, улавливание ночной влаги (вспомните, что именно на концах острых травинки и хвойных игл образуются капли росы), «транспортировка» этой росы к стеблю с возможным частичным всасыванием ее и, наконец, защита от ночного холода, здесь большую роль играют не колючки в строгом понимании этого слова, а растительная шерсть, войлок и подобие ваты, окутывающей тело многих горных кактусов. Разнообразие форм и окраски колючек безмерно велико. Шерстистый мягкий ворс, жесткий «бобрик», что-то подобное седым волосам и длинным щетинам, роговые крючья, «стальные» кинжалы, штыки, сабли, крючки, собранные в розетки и короны, колючки, подобные перьям, морозным иглам, снежинкам, паутине, кружевным накидкам, клочкам пергамента и бумаги, — от едва различимых до вытянутых в длину на пятнадцать сантиметров. Наконец, имеются кактусы и вообще лишенные колючек.

Если вы найдете растение, которое можно, вытащив из земли, бросить на месяц-два и на полгода без поливки, а посадив, увидеть, что оно живо и быстро тронулось в рост, — это будет кактус.

Но если вы увидите растение, которое еще вчера казалось свежим и здоровым, а через день от него осталось лишь подобие скорлупы и кучка желтой слизи — это также может быть кактус...

Не исследовано еще, днем или ночью растут кактусы — скорее ночью, как другие растения пустынь, предположим, известные всем арбузы. Если кактус не имеет признаков видимого роста, это еще не значит, что он «спит», — кактус растет, закладывая будущие цветочные почки и зачатки новых корней, укрепляет свои ткани, запасает и откладывает вещества, необходимые для предстоящего быстрого роста и тем более цветения. Некоторые кактусы большую часть года проводят в такой подготовке, ничем не обнаруживающейся по внешнему виду, и лишь два, много три месяца стремительно растут, другие «отдыхают» дважды, третьи вообще растут настолько медленно, что кажутся погруженными в постоянную спячку.

Иногда думается: «Полно, уж земные ли это растения? Не оставили ли их в подарок Земле некие космонавты, пришельцы из мирового пространства, с какой-нибудь дальней, похожей на Землю,

но более засушливой планеты, не приземлялись ли они случайно на Американском материке несколько миллионов лет назад?» В самом деле, слишком необычен вид этих растений, особенно среди привычных всем травы, кустарников, камней и песков, среди встречающихся везде в Европе, в Азии и в Америке метельчатых дерновников, простецких цветочков вроде луговой герани — настоящим чудом глядяся на этом фоне группы кактусов, как некие гости марсиане. И недаром выдвигалась гипотеза, что растительность Марса, если она имеется, — а как будто уже ясно, что ее нет, — должна бы подходить на высокогорные кактусы. Пейзаж же из одних кактусов — цереусов, опунций и шаровидных эхинопсисов — где-нибудь среди каменных глыб, потоков лавы, базальтов и обломков скал на ярком закате, на восходе или лунной ночью производит ирреальное впечатление и всегда наводит на мысль, что стоило какому-то звездолету-космолету, пролетая над обеими Америками, рассеять семена этих растений...

Однако довольно фантастики. Я мог бы долго распространяться о причудах этих растений, но вся книга еще впереди, и еще много раз мне придется использовать эпитеты удивительный, необычный, волшебный, потрясающий, приводящий в изумление, великолепный, уникальный, непохожий, совершенный, сказочный, невероятный, прекрасный...

3.

РАДОСТЬ «ЧЕРЕЗ» КАКТУСЫ...

На прилавке букинистического магазина лежала книга. Очень добротная с виду, в лакированном «супере», что по тем временам — пятидесятые годы — было еще модной новинкой, она вещала на немецком языке, что я могу получить «радость с кактусами». «Радость... через кактусы...» — перевел какой-то знаток языка, стоявший рядом со мной. Усмехаясь такому своеобразному перево-

ду, я однако купил книгу, не подумав, что именно отсюда и начнется уже подлинное мое увлечение. Домой я шел с предвкушением радости и действительно испытал ее, едва открыв книгу, увидев прекрасные цветные иллюстрации-вклейки, рисунки на полях и американские пейзажи с кактусами. Дикое плоскогорья, заваленные обломками гранитов, гнейсов и базальта, конусы вулканов, обрывы пропеченных солнцем скал, саванны, ровная пампа и экзотические яркие до едкости в цвете синие и солнечные берега океанов. Всюду там были кактусы, кактусы, кактусы, очаровательно цветущие, глядящие на мир глазками ареол, ягодами, похожими на землянику, либо с плодами — подобием гладких овальных плодов шиповника, лишь покрупнее и малинового цвета. Кактусы были разнохарактерные: одни — ошестиненные растопыренными шипами, напоминали суровых воителей, гладиаторов, другие, напротив, кроткие и женственные, наряженные в кружевные накидки и ажурные юбочки.

Книга была обстоятельная, написана с немецкой пунктуальностью и немецким педантизмом. К великому сожалению, я не настолько владел языком, чтобы сразу погрузиться в чтение. Текст содержал массу новых для меня слов и терминов да и стилистически отличался от того, что мне доводилось читать. Моих знаний хватило лишь на перевод подписей под картинками, и не поручусь, что здесь я не ошибался, не брел по наитию. Так началась моя «радость через кактусы». Удивительная книга прежде всего заставила меня заниматься немецким языком. Я прекрасно понимал всегда, что ни к вундеркиндам, усваивающим любой язык максимум за полгода, ни тем более к полиглотам, которые, изучив один язык за две недели, переходят, не теряя времени, к следующему, я не принадлежу. И все-таки начал освежать в памяти жалкие знания, приобретенные в школе и в институте, как я тогда считал — низачем и незачем. Теперь же, занимаясь немецким, я вдруг почувствовал, как прибавляет знание иностранного языка чего-то подлинно человеческого и возвышающего, хотя скажу прямо, не выполнил намеченной программы, не стал ни знатоком, ни переводчиком. Однако стереотипные аннотации освоил довольно легко. Были они, к примеру, такие:

«Бразиликактус Гресснера. Имеет большей частью плоскоокруглую форму со вдавленной вершиной. Одет в золотисто-желтые

колючки. Цветет зеленоватыми цветами. Весной требует притенения. Родина — Бразилия. Рио-Гранди-ду-Сул.

«Ферокактус электрокактус узнается по своим янтарно-желтым колючкам, имеет средней величины округлое туловище и до 25 острых ребер. Родина — Восточная Мексика...»

Книга заставила заняться и латынью. Ее я совершенно не знал, но поскольку кактусы, как все животные и растения, обозначаются двойным названием (род и вид), а также объединяются внутри своего семейства еще в подроды, в группы родов, секции, подсемейства, мне помимо интереса к чистой систематике захотелось узнать, что обозначают все эти мудреные слова — Эхинофоссулокактус пентакактус или уже упомянутые Бразиликактус гресснери и Ферокактус электрокактус. Читая латынь, я произносил эти трудные для русского уха слова, конечно, ужасно, — говорил, например, *цереус*, *фрайлэя*, а надо, оказывается, *цереус*, *фрайлея*, — пугался и путался, пока не обзавелся хорошим словарем и учебником латинского языка. С тех пор слова становились все более послушными, и потихоньку я стал переводить названия кактусов, записывая их в особую тетрадь. Так начал я обогащаться еще одним нужным языком — латынью, и кактусы приобрели в русском переводе ясное, простое значение: Кактус бразильский Гресснера, Кактус воинственный янтарно-колючий... В дальнейшем я уже редко называл их по-русски; латинское название позволяет хорошо сочетать значение двух слов в одном, в то время как в русском переводе все это звучит, по чеховскому выражению, как-то «трехноленно», но в то же время ясное понимание смысла латыни способствует и большему пониманию самого предмета, добавляя нечто к совершенствованию собственной души.

Книга, которую я читал все с большим удовольствием, распалась и без того достаточно пылкое воображение — употребим здесь оборот, характерный для писателей восемнадцатого века. Но книга оставалась книгой, а мне нужны были кактусы, сами кактусы, эти растения «с янтарно-желтыми» и всякими прочими колючками и ребрами, со всеми их цветами и шипами. Я хотел их видеть, трогать, искать, выращивать, осязать, наконец, просто ИМЕТЬ.

Странный все-таки этот глагол *иметь*... Из-за него челове-

ство претерпело и претерпевает и самые большие свои беды и самые большие радости. Может быть, это именно: радость через...

Во всем нашем огромном городе (тогда еще несколько не доросшем до миллиона, но успешно дораставшем, так что его уже именовали миллионным, испытывая, очевидно, чувство то ли столичности, то ли приобщенности к чему-то столичному), так вот во всем этом городе не было ни одного крупного кактусиста (имеется в виду коллекция видов в сто), даже, пожалуй, и мелких было негусто. Ходили слухи, что кактусы есть у некоего профессора, славного своими династическими корнями (и отец его, и дед, и прадед — все были профессора), но тут же и добавлялось: к профессору не пробиться, силен заслон прислуги, на звонки хозяин не отзывается; ходили слухи, что кактусы есть у какой-то женщины на дальних загородных улицах, однако адреса дать никто не мог; ходили слухи, что... А пока я завел себе неприличную привычку внимательно осматривать окна во всех квартирах, какие попадали в поле моего зрения. К сожалению или к счастью, этот метод собирания кактусов по чужим окнам, в целом весьма противный и унижающий человеческое достоинство, был и неосязаемым по результатам. Прибавилась у меня еще одна опунция, покрытая белыми волосками и лирично названная теми, кто ею владел, «тещин язык», да три-четыре разновидности гастерий, гаворций, стапелий и алоэ. Их также именовали кактусами, и я, хотя уже умудренно знал, что к кактусам они не имеют никакого отношения, все-таки приобрел их, — как-никак лучше, чем ничего. К тому же гастерии, гаворции и алоэ гляделись весьма экзотично, особенно алоэ жемчужный, покрытый мелкими белыми бородавочками, алоэ же волосатый, растущий веселой, посмеивающейся словно семейкой-порослью, был вообще бесподобен.

Как ни хороши были эти растения, — они составили уже на подоконнике живописно-неструю, но нестройную группу, — как ни поражали моих знакомых, уже присвоивших мне титул знатока и собирателя кактусов, страсти оставались неудовлетворенными и на десятитысячную долю, тем более что автор принадлежит к тому типу людей, которым надо или все, или уж ничего, последнее обычно

отбрасывается. Итак, я жаждал кактусов, хотел их сто, двести, пятьсот, тысячу видов, и будь моя воля и возможности, наверное, собрав все богатство видов кактусовых, не теряя времени, принял-ся бы за африканские суккуленты, а там дошел бы черед и до орхидей, до пальм и мало ли еще до чего... Во всяком случае я хорошо знал себя. Еще в детстве, отклеив от письма первую красивую марку с картой перелета через Северный полюс в Америку, тут же принялся выклянчивать деньги на марки у матери (и небезуспешно), а цель была ясная: собрать все марки не только Советского Союза, но и всего мира. О других желаниях автор не распространяется, они были такие же, как у многих читателей.

Итак, у меня было четыре вида кактусов: две опунции и два эхинопсиса, которые мне очень хотелось считать все-таки разными видами, но эхинопсисы, видимо, этого не понимали и месяц от месяца становились все более похожими друг на друга. Где взять кактусы? Купить? Найти? Выиграть в лотерею? Получить от богатых родственников прямо из Мексики? Провезти через границу, как провезла одна дама, завернув в деликатный предмет женского туалета? Ни на один этот риторический вопрос ответа не было. В цветочных магазинах царило убожество, боюсь, что и сейчас они не блещут, непонятно, по каким причинам; родственников за границей я не имел и с гордостью писал это в анкетах, сам за рубеж не собирался, естественно, не мог воспользоваться и дамским способом перевозки кактусов. Обследование же всех окрестных теплиц, садовых хозяйств принесло плачевные результаты: кактусов там не было или почти не было, в лучшем случае имелись те же эхинопсисы, опунции, вероятно, состоявшие с моими в прямом родстве. И вот... Эврика! Есть же ботанический сад. Сад института биологии! Ботанический... Сад. Эврика! Уж тут-то я разживусь, если не кактусами, то хотя бы семенами... И на другой же день я мчался на трамвае к желанному заведению. Ботанический сад и сейчас находится там же, на гигантских пустошах, по-моему, лишь немного уступающих по площади Бельгии, Голландии и Люксембургу, взятым вместе. Есть тут и лес, и воды, но главная часть — необозримые пустыри, кое-чем засаженные, кое-чем засеянные. В те годы была здесь, видимо, собрана уникальная коллекция сорняков,

с которыми без большого энтузиазма боролись отряды школьников, присылаемых на прополку. Многое, правда, сейчас сменяется в лучшую сторону, уже и аллейки еловые появились, и вход оформлен красивой вывеской... Тогда же я просто прошел в подобие ворот и, хоть пейзаж сада мне в общем был известен, все вертел головой в надежде увидеть где-то в стороне какие-нибудь платаны, гигантские дубы, буки или еще какую-то непременную принадлежность всех ботанических садов, а главное ждал: вот покажутся теплицы с пальмами, с цветущими орхидеями и другими дивными растениями со всех концов земли. Теплицы, и верно, попались мне поодаль от тропинки,— их было две и обе старые, прогнувшиеся, гнилые, с закопченными стеклами, через которые вряд ли проникал солнечный свет, а если и проникал, то, наверное, лишь в виде сумеречного полумрака. Стесненные, упираясь в крышу, росли там какие-то растения, очертаниями похожие на пальмы. Оба строения были заперты на глухие висячие замки, что яснее ясного говорило мне о крушении моих надежд.

Прием же, оказанный директором сада, превзошел все ожидания. Директор щедро улыбался, понимающе кивал, обнадеживающе смотрел. Выслушав меня, тотчас вызвал свою помощницу, видимо, нечто вроде завуча по школьным меркам, велел ей показать теплицы, сказал, что разделяет мою страсть к кактусам, что кактусы — это чудесная вещь!

— Да... Они так красивы! — восторгался я, предвкушая поживу.

— И обладают удивительными свойствами,— добавил директор.

— Кроме того, я хочу их изучать,— снова сказал я.

— И можно создать дома бразильский пейзаж,— быстро добавил директор.

Этот «бразильский пейзаж» чем-то меня огорошил. Почему бразильский? Может быть, он хотел сказать — мексиканский?

Я проследовал за «завучем» в душное тепло оранжереи. Замки не были сняты, и, что самое забавное, под замком обнаружилась старая женщина, что-то там поливающая с тихим ворчанием. Оказывается, замок висел для устрашения на главном входе, а пользовались входом в теплицы с другой стороны, через маленькую дверьцу.

В сумраке теплиц и вправду оказались кое-какие пальмы, араукарии, драцены, фикусы, кордилины, но того, что я ждал и жаждал, было горестно мало. Коллекция кактусов занимала полстеллажа. В мелких невзрачных горшочках сидели мелкие невзрачные растения с колючками, совсем не такие, как на роскошных иллюстрациях в моей книге. Это была опять «радость через...». И кроме того, женщина-«завуч» поведала мне, что кактусы, конечно, не продаются, а дать что-либо, может быть, и можно было бы, но... отводок у кактусов нет... Те, что были, давно выщипаны сотрудниками. Так она и сказала — «выщипаны сотрудниками». И я понял, что лучше всего ничего тут не просить, а надо только улыбаться, благодарить, смотреть, ахать, восторгаться, приходить в умиление, снова благодарить и еще вежливее смотреть.

Очевидно, мои восторги, восклицания, поклоны кактусам при осмотре коллекции — а это все-таки была коллекция, учитывая то давнее время, коллекция, ибо в ней были даже кактусы-столбики, цереусы, казавшиеся мне, обладателю опунций и эхинопсисов, верхом кактусового совершенства, даже было что-то напоминающее ананасную шишку (Мамиллярия центрицирра — я предвижу улыбку знатоков), — мои восторги разжалобили «завуча», и она сказала, что даст мне, что возможно. В результате этого доброго акта я вышел из ботанического сада со следующими дарами: лешешкой опунции уже известного мне вида, черенком Мамиллярии Вильда, — о улыбки знатоков! — побегом Мамиллярии пролиферы — еще хуже улыбки! — четырехгранным стебельком селеницереуса, и, что самое ценное, на мой тогдашний взгляд, с пуховой головкой Мамиллярии боказана — еще улыбка! — похожей на одуванчик, если бы его пуховую суть снабдить редкими крючковидными колючками от репейника. Кроме всего, был еще в моих руках лист растения, названного «щучий хвост», — то бишь, сансевьеры цейлонской.

Теперь я чувствовал себя кактусоводом, чувствовал, что «оконный» (назовем его все-таки благородно) период собирательства подходит к концу.

Действительно — дальше заколодило. Кактусов не было нигде. Моя коллекция, если можно было ее так назвать, почти не пополня-

лась, зато желание раздобыть новые кактусы росло в геометрической прогрессии по мере того, как я читал книгу «Радость с кактусами», все более просвещаясь и приобщаясь к тайнам кактусового мира. А далее я приобрел и другую книгу того же Вальтера Хаге — название ее не слишком удачно, хотя и четко, переводится так: «Практическая книга о кактусах в красках». Книга была самым щедрым образом оснащена великолепными цветными иллюстрациями африканских суккулентов и кактусов, кактусов, кактусов во всем величии их красок, форм и цветения. Честно говоря, я уже начал негодовать и против В. Хаге, невольно поставившего меня в положение античного героя, обреченного страдать от голода и жажды перед видом всех возможных яств и питья...

Но где же взять кактусы? Ну, пусть не кактусы, пусть бы семена. Предлагают их ныне фирмы США, Японии, ФРГ, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германской Демократической Республики, Чехословакии. Но — нет, недоступны и ныне семена многих кактусов (а что говорить про орхидеи, бромелии, пальмы). Оказывается, это вроде предметов роскоши. И встает вопрос: разве не покупаем мы бананы, кофе, какао, апельсины? Неужели семена кактусов и других интереснейших радующих человека растений, которые, кстати, и не надо ввозить тоннами, невозможно закупить, чтобы каждый любитель мог выращивать все, что ему хочется? Разве не принесли бы нам пользу семена и растения, которыми столетиями уже увлекается весь мир, а иные страны вроде Сингапура, Голландии, ГДР имеют на этом приличный доход? Видится мне некое должностное лицо из торгового ведомства, произносящее, сурово насупясь: «Кактусы? Колючки? Что за блажь? Обойдутся... Тратить народные деньги...» И невдомек этому лицу, что давно обернулись бы те деньги немалой прибылью для государственных магазинов и теплиц, что маленькая ГДР, представьте себе, вывозит кактусы... в Канаду. И берут, покупают, ценят... Умолкаю в надежде, что прозреет кто-то, ведающий семенами ли, закупками ли апельсинов-бананов, рано или поздно должно такое быть...

А пока хотел было автор повествовать, как добывал он в течение целого десятилетия кактусы у разных дельцов и деляг, как его обманывали, обводили вокруг пальца, всучивали гнилой в прямом

смысле товар, присылая в посылках (кактусы прекрасно переносят и месячную транспортировку), как тратил он немалые деньги на приобретение кактусов вновь и вновь взамен погибших, ездил за ними и в Москву, и в Прибалтику. Все это можно бы описать, получилась бы поучительная книга,— к сожалению, не столько о кактусах повествовала бы она, сколько о страстях человеческих... Это был путь к кактусам, которым я никому не посоветую идти, хотя идти им все равно будут, особенно люди нетерпеливые, которым надо сегодня же все сразу и кактусы надо сразу взрослые... Однако, идя этим путем, я не только приобретал растения по дорожной цене, но вместе с ними и всех мыслимых паразитов, все кактусные заболевания, а растения, чаще всего из теплиц и оранжерей, в новой среде, на окне, под иным солнцем и в другом режиме содержания чувствовали себя плохо, «переживали», не росли, «стояли», а что хуже того, загнивали и гибли без всяких, казалось, видимых причин. Такое собирательство было радостью почти через слезы...

И все-таки коллекция росла, увеличивалось число видов, я решил к периоду, который можно было назвать «видонакопительским». Скажите, любители, кто не пережил этот период под негласным девизом: «Видов! Видов! Видов! Как можно больше». Здесь собирание удивительно напоминает сказку о рыбаке и рыбе, где роль сварливой старухи и безропотного старика приходится играть попеременно самому, а роль золотой рыбки тем дельцам, кто и сейчас «издает» приманчивые проспекты-списки кактусов и рассылает их любителям... Если я скажу, что коллекция моя достигла сегодня уже приличных, по крайней мере для сурового Урала, размеров (около пятисот видов), я кого-то удивлю, а кто-то посмотрит на меня с превосходством. Ныне стали встречаться собрания в 600—700—900 и даже тысячу (!) видов, как встречаются-предлагаются в упомянутых выше, отпечатанных на ротапринте проспектах сеянцы самых редких видов. «Так в чем же дело?! — воскликнет иной читатель.— Значит, все в порядке». В том-то и суть, что в проспектах против каждого крохотного, миллиметрами измеряемого сеянца стоит цифра 5—10—15—20—25—40 и даже 70! — рублей. Вряд ли нужны здесь комментарии. «Бойкие люди» делают

свой бизнес. Бойкие люди всегда наживались на страстях человеческих...

Третий период собирательства можно бы назвать кактусоводческим. Тут автор наконец-то пришел к выводу, что нет лучше растений, выращенных самим, а значит, стойких, отобранных, приспособившихся и закаленных — и все силы, а главным образом средства употребил он на то, чтобы добыть, достать (нет, не втридорога, намного дороже) эти самые семена. Добыл, достал, посеял и после разного рода мучений, разочарований, «радостей через» стал владельцем коллекции молодых кактусов, выросших под уральским небом, под его, автора, непосредственным ежедневным попечением. Дальше в книге будет подробно рассказано, как вырастить кактусы из семян, что ждет вступившего на этот путь. Но признав этот метод наилучшим, а этап самым плодотворным и результативным, хотя бы по количеству полученной радости (по отношению к количеству разочарований), автор вступил в четвертый период собирательства, пока еще не обозначенный.

Мне показалось, что, поскольку нельзя объять необъятное, стоит сконцентрировать свои усилия на выращивании, изучении наиболее интересных, редких и трудных в культуре видов, а также тех, которые особенно нравятся (у всякого коллекционера есть такие любимчики, и не обязательно они из самых редких). Я пришел к выводу, что хватит для радости две-три, от силы четыре сотни видов, были бы они здоровы, росли уверенно, не болели и не поражались ничем. Двести видов красивых и редких кактусов — великолепная коллекция, четыреста — и вовсе мечта, потому что требуют они много забот, хлопот, свободного времени и знаний. Миф о том, что кактусы якобы тем и хороши, что их и «поливать не надо», пусть останется мифом для несведущих¹. Даже один-единственный кактус на окошке, самый неприхотливый, для того чтобы он рос и цвел, требует и времени и знаний. Если умножить это пусть небольшое время и небольшие знания на двести, а тем более на четы-

---

¹ Так же как и утверждения вроде: «кактус цветет раз в сто лет», «кактус растет только на солнце», «кактус растет только в песке», «удобрять кактусы ни в коем случае нельзя», «кактусы надо поливать чаем», «сахарным сиропом», «помоями» и т. д.

реста,— мы и получим внушительные затраты труда. Но здесь автор умалчивает, чтобы перейти к дальнейшему описанию всего того, что было и чему следовало быть...

Что такое знание? Не что иное, как записанный опыт.

Карлейль

4.

СИСТЕМАТИКА, ПЕДАНТИЗМ И БУХГАЛТЕРИЯ

Во всех руководствах по кактусам непременно дается и их систематика. Подробно объясняется, что каждое растение имеет двойное латинское название (род и вид) плюс начальные буквы фамилии описавшего его натуралиста — что всегда мне лично кажется великой несправедливостью по отношению к тем, кто это растение открыл, добыл, нашел, привез и дал в руки ботанику. Итак, если вы, пробираясь сквозь дебри, взбираясь на кручи, рискуя жизнью и терпя лишения, открыли, нашли новую орхидею или кактус, ваше имя не будет известно и тем более увековечено, в то время как тот, кто с лупой в руке, в спокойном уютном кресле, не выходя из дому, не отдаляясь от него, может быть, всю свою жизнь далее почта и рынка, опишет вашу находку, присвоит ей название — и будет отцом нового растения. Великая несправедливость... Но что делать? Единственное утешение, наверное, в сладости самой находки, в сладости поиска, всего, что входит в понятия путешествие, искание, открытие, и кто из нас, грешных, не бредил, не носил в мечте — выйти куда-то на нетоптанный склон, в неведомое место и вдруг (именно вдруг) увидеть меж камней и кустарников еще никем не виданный цветок, растение, что миллионы лет жило безымянным, словно бы таилось от всех, а вот пришел ты и стоишь перед ним в восхищении и понимаешь: оно твое, открытое тобой... О, восторг и счастье первооткрывателя, ради тебя люди шли на любой риск, в любую даль! В каждом пособии по кактусам вам

помогут понять (может быть, в двухсотый раз), что виды в систематике объединяются в роды, роды в семейства, семейства в отряды, отряды в классы, классы в типы, а типы в царства. Заниматься углубленной систематикой можно лишь со специальной целью, изучая ее досконально. Обычно же любители редко погружаются в ее дебри, вот почему я не хотел занимать время читателя и выношу систематическую классификацию семейства кактусовых в приложение. Скажу лишь, что все семейство разделяется на три неравных по количеству видов подсемейства: пейрескиевые, опунциевые и цереусовые.

Отличаются растения этих подсемейств довольно хорошо, потому что пейрескии нечто вроде колючих кустарников с настоящими листочками, опадающими в сухое время, опунции характерны своими лепешками (хотя есть среди них круглые и столбовидные формы, похожие на цереусы, и есть растения с овальнокруглыми члениками, главным образом это тефрокактусы), все же прочие кактусы (более 3000 видов) относятся к цереусовым. И здесь могут быть шаровидные, цилиндрические и столбовидные кактусы предельно разнообразных окрасок, «околюченности», с самыми разными типами ребер, выступов, «углов» и т. п. — они-то и служат главным объектом коллекционирования.

Систематика кактусовых отразила и их географическое распространение, ибо кактусы делятся на две большие группы (ветви) — северную (североамериканскую) и южную (южноамериканскую). Должен заметить, что при всей нелюбви к систематике, нежелании запоминать множество труднопроизносимых родов знать ее надобно, как нельзя не знать таблицы умножения. Нехотя, часто из-под палки, с понуканиями учителей и родителей изучается сия премудрая таблица для того, чтобы впоследствии стать основой всех математических построений. Думаю, что без нее не обходились ни Лобачевский, ни Эйнштейн. Точно так же дельный кактусовод обязан вы зубрить хотя бы классификацию подсемейства цереусовых (если сил не хватит на остальные два подсемейства) для того, чтобы далее спокойно ориентироваться в богатстве его родовых групп и не путать эхинокактусы с эхиноцереусами, а тем более с эхинопсисами, ариокарпусы с турбиникарпусами.

А о том, что родов истинное богатство, говорит хотя бы краткое перечисление, скажем, членов северной группы. Здесь мы видим и покрытые жесткой, морщинистой, какой-то ящерицевой или даже слоновой кожей-скорлупой розеокактусы, удивительные крапчатые астрофитумы, опушенные пуховыми перышками эхиномастусы, обрегони, стромбокактусы и энцефалокарпусы — подобные еловым, сосновым и кедровым шишкам, великолепные мелово-белые мамиллярии в узорных косынках колючек, морщинистые адтекиумы, лишённые колючек лофофоры и много еще других, не менее удивительных видов и родов. В южноамериканской группе мы встретим мрачноватые гимнокалициумы, стройноокруглые нотокактусы, высокогорные шерстистые ореоцереусы, яркие веселые бразиликактусы, миниатюрные блоссфельдии и фрайлеи, своеобразные кактусы-чилийцы: темно-серые, дымчатые, фиолетовые и зеленые, часто покрытые дико торчащими черными шипами. Если бы собрать всех самых интересных представителей севера в одну коллекцию, а всех лучших с юга в другую, мы увидели бы поразительную по красоте и разнообразию форм картину, причем и северная, и южная группы, сохраняя разнообразие, имели бы каждая свой общий, неуловимо объединяющий растения оттенок, характер, отпечаток, который трудно передать словами.

Можно сказать лишь, что северные кактусы, главным образом «мексиканцы», производят более жесткое впечатление — они как-то крепче, шиповатее, приспособленнее к резким перепадам температур и к солнцу. Южноамериканские собратья кажутся более женственными, мягкими, нежными, они и более «цветисты», хотя, когда речь заходит о цвете и цветении, могут возникнуть и разногласия. Но я передаю в книге лишь впечатления, которые испытал сам, мнение мое отнюдь не бесспорно, и я заранее прошу читателя с ним не соглашаться, если у него есть на то свое особое мнение. К тому же встречается довольно часто коллекционер, «принципиально несогласающийся». Этот вид еще недостаточно изучен наукой, но формула его поведения довольно проста: достаточно кому-то сказать: «Да!» — чтобы принципиально несогласающийся тотчас возразил: «Нет!» К примеру, я не очень люблю эхиноцереусы, несмотря на то что эти кактусы красиво цветут, и тут же несогласаю-

щийся возопит: «Да как вы смеете так говорить! А Эхиноцереус делаетти? Эхиноцереус кинопеллианус? А пектикатые эхиноцереусы?! Это же чудо красоты!» И я соглашусь, скажу, что, пожалуй, и мне эти названные виды тоже нравятся. «Ах, нравятся?! А мне, в общем-то, не очень! — обязательно скажет на это строптивец. — Эхиноцереус делаетти в конце концов все-таки «ложный старичок» и ни в какое сравнение не идет со «старичком настоящим», то есть с Цефалоцереусом сенилис». И опять, если я соглашусь, признаю, что Цефалоцереус сенилис эффективнее, несоглашающийся, насупясь, скажет: «Ну, что там цефалоцереус, это прошлое в кактусах, вот, например, уэбельмании — это...» — и так без конца.

А возвращаясь к коллекциям северо- и южноамериканских кактусов, скажу лишь, что собрание их, скажем, по сто видов каждой группы, производит потрясающее впечатление и на самого равнодушного к растениям человека. Хотя кактусоводу надо помнить, что исключения бывают, и нередко. Хорошо показывать коллекцию людям интересующимся, доброжелательным, хуже показывать тем, кто интересоваться — интересуется, но при этом вдруг чернеет, мрачнеет, голос становится прерывистым, замечания едкими, и все сводится к тому, что ничего, мол, хороша коллекция, но видел где-то в Москве, в Японии, когда ездил вокруг Азии, — вот там коллекции так коллекции... Таким людям лучше ничего не показывать. В другом крайнем случае, когда коллекцию смотрит, предположим, женщина-тряпичница, — ей бы журналы мод, капроны-шифоны, а вы с кактусами своими лезете, — вот и услышите такой вопрос: «А, что? Это... Все... Разные? Да?» — «Разные, — тяжело так ответить, вглядываясь в свою пятисотвидовую коллекцию. — Разные...»

— А-а, колючки... Вот бы моего мужика сюда посадить, когда пьяный приходит, — применительно к делу оценила эту же коллекцию бойкая почтальонка, доставившая мне почту.

Что поделаешь... Разные люди, разные взгляды, и всегда вспоминается простая мудрость, что радость надо делить со способным на радость, а горе — с перенесшим горе. Во всех этих оценках, услышанных, конечно, с душевной мукой, кактусовод виноват сам — не стоит показывать равнодушному свое детище, в лучшем случае

столь же равнодушно проведут они рукой по его щетинистому затылку.

А теперь автор хотел бы поговорить о несколько странном предмете, как будто не относящемся к делу: о темпераментах людей, занимающихся кактусами. Известно, что психологи классифицируют людей на горячих, вспыльчивых холериков, непостоянных, легко увлекающихся и легко остывающих сангвиников, обстоятельных, устойчивых в чувствах и делах флегматиков и нерешительных, во всем и всегда сомневающих меланхоликов, пятый темперамент — неопределенный, — представляет конгломерат всех четырех. Совершив такой экскурс в основы психологии, автор берется утверждать, что более всего в кактусоводстве преуспевают флегматики, ибо сей темперамент предполагает основательность, упорство, неторопливость, уверенность в себе и в результатах своего дела (увлечения). Сказанное вовсе не означает, что люди прочих темпераментов не могут преуспевать, однако им придется выработать у себя названные выше качества часто вопреки своему характеру. Могу даже утверждать, что люди несобранные, невнимательные и не способные к длительным волевым усилиям, к порядку, аккуратности и последовательности, ничего путного в кактусоводстве не добьются. Кактусы у таких любителей редко цветут, никогда не выглядят свежими, болеют, покрываются паразитами, гибнут, нередко теряются и этикетки (названия), так что и сам владелец потом уже ничего не может вспомнить. В утешение таким хочу сказать только, что и автор не флегматик...

Многие любители склонны обвинять в неудачах кого угодно, вплоть до мистических сил, только не себя, и вечно жалуются: то на растения напал клещ, то кактусы подмерзли, то потеряли корни, то почему-то подгнили, и так без конца. Обычно, потерпев неудачу, кактусисты холерического склада, вспыхнув, выбрасывают кактусы на помойку; сангвиники, наплевав на кактусы и раздав кому попало, переключаются на рыбок, птиц, марки, значки, коллекционирование керамики, на собак, кошек, хомячков, фарфор; меланхолики оплакивают каждый погибший кактус, обращаются ко всем с жалобами на вредителей и болезни, однако ни опрыскивать ядохимикатами (а вдруг сам отравишься?), ни бороться какими-то другими сред-

ствами не решаются и в конце концов забрасывают свою коллекцию на произвол судьбы. Зато флегматики всегда преуспевают и процветают. Итак, для преуспевания в кактусоводстве нужны совершенно определенные качества, и первое из них — умение вести строгий учет и документацию. Канцелярская книга, или книга со странным для нашего времени названием амбарная, должна быть приобретена прежде, чем вы купите, получите в дар или посеете первые кактусы. Все кактусы и посевы семян вносятся в эту книгу по порядку (по алфавиту, по родам), и страницы разлиновываются на колонки соответственно способностям автора к пунктуальности и основательности. Для примера укажу, что должна быть графа с порядковым номером, с названием вида, возрастом кактуса, сеянца или детки, стоимостью, датой и местом приобретения или посадки. Все остальное разрабатывается и дополняется по собственному усмотрению, и могут быть разделы, указывающие место обитания в природе (например, Северная Мексика, Парагвай, Южная Бразилия), фиксирующие категорию ценности вида, состав почвы, время пересадок, цветения и т. д. и т. п.

Помимо инвентарной книги неплохо завести и картотеку с карточками на каждый купленный или выращенный кактус. Мне приходилось видеть чудесные картотеки на стандартных перфокартах, с наклеенными на них цветными фотографиями данного вида и со всеми сведениями об образе жизни, месте обитания, — словом, на перфокартах давалась подробная характеристика растения, сведения ежемесячно, ежегодно пополнялись, это были шедевры усидчивого и вдумчивого труда. Использование именно перфокарт (с дырочками по краям), а не простых картонок, позволяет кодировать различные необходимые сведения и мгновенно их получить. К примеру, определив для белых мамиллярий дырочку в перфокарте под номером 4, вы во всех прочих перфокартах, куда вписываются белые мамиллярии, на месте четвертого номера делаете вырез до края карточки. После чего достаточно воткнуть в четвертое отверстие пачки с перфокартами длинную спицу, приподнять пачку, и все карточки с белыми мамилляриями, нужные вам, выпадут на стол. Точно так же под номером 5 или 7, любым другим можно закодировать другой род кактусов или сведения о местообитании, сло-

вом, все, что будет нужно и полезно. Заполнение перфокарт информацией — дело интересное, здесь кактусовод приобщается к исследовательской и вполне научной работе.

Наконец, и сами кактусы должны быть маркированы в соответствии с записями книги или номерами перфокарт. Память, даже самая феноменальная, никогда не является гарантией от ошибок и неточностей, а кактус, потерявший видовое название, обесценивается, и восстановить название бывает всегда затруднительно, кроме общеизвестных видов. Маркируют кактусы в горшках небольшими металлическими пластинками, на которых с помощью штампа выбивается номер. Надписи на горшках, всякого рода наклейки, деревянные дощечки или пластмассовые «бирки» равно ужасны и всегда обезображивают коллекцию, придают ей вид опытного участка в избе-лаборатории. Кроме всего, кактусоводу-коллекционеру необходимо постоянно иметь при себе записную книжку с алфавитом, куда вписываются наиболее эффектные и понравившиеся виды из книг, слайдов, коллекций товарищей, увиденные на выставках и во время поездок, там же записываются нужные сведения и адреса. Именно так и создается список, а позднее коллекция наикрасивейших растений. Нельзя пренебрегать записной книжкой. Говорят, что кактусисты одержимые заводят даже бухгалтерские книги с приходными и расходными статьями, но здесь уже благородное дело разведения кактусов сталкивается с разными видами коммерции. Вряд ли коммерцию стоит поощрять, но, с другой стороны, где взять семена и растения пачинающему и жаждущему, если нет их в государственных магазинах? Недешевое это увлечение, даже очень, особенно когда кактусист стремится сразу иметь большие, а лучше сказать, взрослые кактусы. Медленно растут они, иные и сантиметр не прибавляют в год, и не могут быть слишком дешевыми потому еще, что выращивание — дело трудоемкое, требующее времени, траты электроэнергии, хлопот, забот и знаний. Дело сдвинется в сторону удешевления и доступности растений лишь тогда, когда появятся по стандартным ценам любые нужные семена и не будет надобности коллекционеру выворачивать карманы, оплачивая по фантастическим «прейскурантам» крохотные сеянцы ариокарпусов, розеокарпусов, обрегоний и дискокарпусов.

Трудное это дело, но сдвиги с тех пор, как начинал автор и его товарищи по коллекционированию, произошли уже большие. Появились многочисленные кактусоводческие клубы, в Свердловске, скажем, один из лучших в стране клуб «Цереус», есть уже и республиканские общества, например в Казахстане. Жаль только, союзное общество никак не может организовать, слишком долго дебатуются вопросы, которые в момент бы можно решить, если бы не косность и неразворотливость иных облеченных ответственностью работников. Не потому ли не увидишь кактусов на полках цветочных магазинов, и скучают продавцы, вместо того чтобы пестить людям радость, а государству доход.

ПУТИ К ТВОРЧЕСТВУ

1.

КАК ЗА МАЛЫМИ ДЕТЬМИ

Выше автор уже говорил, что никому не советует покупать взрослые, сформировавшиеся в теплицах кактусы. Это, во-первых, весьма тяжело по затратам, во-вторых, приобретая такие растения, любитель часто одновременно покупает и полный комплект болезней и вредителей кактусов, в-третьих, взрослые кактусы, выросшие в иных условиях, под иным солнцем, с другой ориентацией к сторонам света, лишь первое время «не выдают своих переживаний», а в дальнейшем многие из них, особенно виды нежные и редкие, часто хиреют, прекращают рост и в конце концов гибнут. Но главное — нет большего удовольствия, чем выходить, вырастить из крохотного семени прекрасное и необычное растение, и куеть не пугают любителей годы. За три-пять лет можно стать владельцем великолепной коллекции, ведь иные виды при умелом выращивании уже на первом году приобретают красоту и облик взрослых растений. Вот почему самый правильный, безошибочный путь к хорошей коллекции — посев кактусов и выращивание их из семян.

Разумеется, правил без исключения нет. Не всякий кактус можно вырастить хотя бы из-за трудностей с семенами, о которых уже говорилось. Но тогда следует приобретать молодые растения, которые легче «переприспосабливаются к новым условиям», а при покупке старых знать как можно больше о жизни данного растения, то есть в каких условиях содержалось, состав земли, режим

полива, ориентированность растения к сторонам света, последнее является главным условием, а его-то как раз часто и забывают. Можно заранее сказать, например, что кактус, выросший на восточных окнах (очень благоприятных для выращивания растений вообще), будет исключительно плохо чувствовать себя при резком перепаде на западные окна. Нужно также знать, пользовался ли прежний владелец удобрениями и какими. Приобретать растения лучше ранней весной, чтобы за лето они хоть как-то акклиматизировались, при этом должно строжайшим образом соблюдаться правило: без тщательной дезинфекции — суточного выдерживания в закрытой посуде, где стенки обложены газетой, опрысканной цветочным, а затем без пересадки в свежую, лишенную вредителей землю, ни один, даже самый чистый кактус, не должен ставиться в коллекцию.

Кактусовые коллекции могут быть очень различными.

Самая распространенная коллекция, так сказать, количественная, когда любитель стремится потрясти свое или чье-то воображение непременно цифровыми объемами и собрать как можно больше видов. Не отрицая заманчивости этого стремления и пережив его сам, я могу лишь предостеречь, что огромная коллекция требует и огромного запаса свободного времени, что под силу людям не очень занятым, а такие встречаются редко. Коллекция только редкостей и уникалов — мечта кактусиста высшего класса — также имеет свои минусы. Класовые кактусы часто весьма невзрачны, и те, кто думают, что, скажем, дискокактусы, колорадоа, неогомезия или ариокарпус необыкновенно красивы, ошибаются. Коллекция из одних редкостей проигрывает с эстетической стороны, и это вряд ли надо доказывать. Точно так же несколько однообразными кажутся и коллекции систематические, посвященные одному роду растений, пусть это будут астрофитумы или эхинофоссулокактусы, или мамиллярии — все равно. Думается, что наиболее верным путем с учетом всех сторон будет создание коллекции, где представлены разнообразные кактусы, при этом не исключается подбор какого-либо их звена по полноте видов, для чего лучше избрать не слишком объемные роды, такие, как Астрофитум, Турбиникарпус, Розеокактус-Ариокарпус, Ореocereus, Эхинофоссуло-

кактус, потому что собрать гигантские группы вроде мамиллярий или гимнокалициумов практически вряд ли возможно.

Встречаются сейчас у любителей и коллекции географические, например, только мексиканские кактусы, только чилийские, только южноамериканские и т. д. До недавнего времени некоторые увлекались «кактусовыми горками», растения помещались в вазоны, плетенки и подобие блюд, украшались камнями и даже гипсовыми гротами и гипсовыми же замками — последнее образец потрясающей безвкусицы, вполне схожей с рисованными на клеенке лебедями и бархатными коврами, мечтой мешапина пятидесятых годов. Могут заметить, что толково оформленное окно-витрина с кусками камня и умело подобранными группами хорошо растущих кактусов очень красиво, оно оживляет квартиру и самое окно, создает подобие горного или пустынного мира. Иное дело, когда на кактусы навешивают плюшевых обезьянок, усаживают их пластмассовыми попугаями — здесь приходится лишь поражаться, до чего неестественно, чтобы не сказать мерзко, вид такой «композиции».

Семена кактусов теперь уже все-таки не та неразрешимая проблема, какой была она еще десятилетие назад. Ныне, благодаря стараниям тысяч кактусоводов, почти все виды сравнительно редких кактусов и даже иные относительно редкие можно, хотя и с трудом, раздобыть, разумеется, по «тяжелой» цене. «Достать» семена можно в клубах кактусоводов (например, в Киеве), в Рижском отделении общества садоводства и пчеловодства, у отдельных любителей и на рынках Москвы, Риги и других крупных городов, но по-прежнему безнадежно обращаться в цветочные магазины, а тем более в ботанические сады, куда в свое время автор писал слезные письма, посылая в дар свои книги, ждал и надеялся, как говорится, без взаимности.

Процесс сева кактусовых семян несложен, для этого не надо ни пахать, ни соблюдать «лучшие агротехнические сроки», хотя и они имеются. Сложнее то «оборудование», без которого не стоит и браться за дело. Лет двадцать назад я также считал, что оборудование (о нем в общем-то тогда и не слыхали) — это лишнее, и, раздобыв первые семь-восемь видов семян, не раздумывая, посеял их

в обычную цветочную плошку, присыпал семена землей, как если бы это были, скажем, морковь или лук. Дней десять я ждал, пока, наконец, что-то появилось и оказалось обыкновенной лебедой и крапивой. Все-таки с десятка кактусовых семян проросло, но уже через два-три дня они бесследно исчезли, «растворенные» какой-то гнилью. Так закончился первый опыт, и я понял, что к выращиванию кактусов надо подходить серьезно, ни в коем случае не надеясь на авось и небось...

Прежде всего для посевов нужно обзавестись микротепличкой, размеры которой делаются по лампам дневного света. Если берутся лампы маленькие, например, применяемые в настольных, тепличка будет совсем крошечной, но обычно используются либо лампы дугообразные или две-три «двадцатки», то есть мощностью в 20 ватт. Без подогрева и подсвечивания сеянцы кактусов растут плохо, даже летом, а так как семян у вас вряд ли будет в таком изобилии, что, потерпев неудачу с одними, вы можете тут же все пересеять, нужно предусмотреть все, чтобы неудачи свести к минимуму.

Лампы монтируются в блок в ящике, причем дроссели их нужно расположить на дне (они будут подогревать плошки с посевом снизу, что очень важно для хорошего развития корней у сеянцев). Сверху ящик накрывается стеклом, или вообще вся верхняя часть с блоком ламп делается из оргстекла — так сделано, по крайней мере, у меня, и поэтому сеянцы могут получать и обычный дневной, и солнечный свет, и комбинированный, кроме того, за непадобностью лампы можно просто вынуть. Некоторые коллекционеры из тех, кто не любит возиться с техникой, греют плошки с посевом на радиаторах отопления, под настольными лампами, подсвечивают их рефлекторами и т. п. Ничего хорошего из этих затей не получается — вот почему на устройство микротеплички не нужно жалеть ни времени, ни сил, ни денег.

Хорошо, если тепличка, помимо своего главного назначения — давать тепло, свет, защищать сеянцы от пыли и создавать влажную атмосферу, еще и красива. Например, ее можно сделать из полированного дерева, снабдить красивыми кнопочными выключателями для каждой лампы отдельно — здесь всяк себе рационалпза-

тор и изобретатель. Создавая тепличку, надо помнить, что блок с лампами должен либо перемещаться, либо этот же эффект достигается (что, однако, хуже) подкладыванием под плоску с сеянцами разных предметов. Высота ламп над растущими сеянцами не должна превышать 3—5 сантиметров.

Лучше всего сеять, на мой взгляд, в фотокювету размером 12×21, таких кювет входит в тепличку с тремя лампами ДС 20 ровно две. Делая тепличку, нужно заранее рассчитать ее длину и ширину по лампам и плоскам. Плоски-кюветы должны быть из оргстекла, а не из пластмассы, так как пластмасса часто трескается и плавится. Плоски нужно снабдить поддонами или такими же кюветами, в дне которых уже не делается отверстий. В них-то и вкладываются кюветы с посевом. Можно сеять и в пластмассовые кубики, которые затем также надо поставить в кювету-поддон.

Когда тепличка готова, готовится земляная смесь. Мнений о субстрате для посева существует множество, и, как правило, они взаимоисключающи, донельзя категоричны: тот, кто сеет в толченый кирпич, будет утверждать, что его метод самый лучший, тот, кто сеет в песок, политый удобрительным раствором, или в мелкий керамзит, гравий и т. п., станет стеной за свою идею, — но лучше всего, на мой взгляд и взгляд многих опытных кактусоводов, сеять, подражая природе, в измельченную смесь из листовой земли, толченого древесного угля и мелкого песка, составляя ее в пропорции — половина земли и по четверти угля и песка. Смесь обязательно пропаривается — для этого ее насыпают в дуршлаг, в продырявленную консервную банку из-под сельди или в другую подобную посудину и подвешивают или ставят на камни внутри кастрюли, где на дне кипит вода. В такой закрытой кастрюле смесь пропаривается не менее часа. Стерилизация горячим паром убивает бактерии и, что самое главное, плесневые грибки — самые страшные враги молодых сеянцев именно они. Без пропаривания в течение часа лучше и не пытаться сеять. В девяноста девяти случаях из ста всходы начнут гибнуть.

Недоверчивый читатель тотчас воскликнет: «А как же растут кактусы на родине? Кто их там подсвечивает, подогревает, пропаривает землю?» Могу лишь ответить, что на родине кактусов и се-

мян попадает в землю значительно больше, чем в наших плошках, и гибнет их там также очень много, что мексиканское или аргентинское солнце так «пропаривает», стерилизует почву, где растут кактусы, что там нет практически никаких грибков, обитателей наших северных почв, и, наконец, дома на родине «помогают стены», там сеянцы защищены иммунитетом, там все естественное: свет, воздух, дожди, радиация, режим дня и ночи — мы же все это должны создавать искусственно.

Смесь после пропаривания снова просеивается через сито, которое также должно быть пропарено или вымыто кипятком, более крупные частицы песка, угля и земли кладутся в нижний слой кюветы, а более мелкие насыпаются сверху. После этого поверхность выравнивается и разделяется на квадраты путем накладывания пластмассовой сетки; можно «разлиновать» земляную смесь и капроновой леской, продетой в просверленные в боках кюветы отверстия, наконец, если посев производится в отдельные кубики, разлиновывать и вовсе ничего не нужно. Нельзя разгораживать посев спичками, как иногда рекомендуется. От спичек моментально заводится плесень, и сеянцы гибнут.

Когда готовы плошки и земля, тепличку надо опробовать. Для этого ее включают на двенадцать часов, ставят внутрь один-два градусника и следят, не поднимется ли температура выше 45—50°. В закрытом помещении даже две лампы ДС могут дать перегрев, а три обязательно, — третью лампу я, например, включаю лишь в полдень часа на два, имитируя естественный полуденный жар и зной. Вообще следует по возможности имитировать природные условия кактусов на родине: высокую влажность, достаточно высокую температуру от 25 до 40° и короткий световой день 12—14 часов. Кактусы, в том числе и пародии, и ореocereусы, которые якобы нуждаются в холодном посеве, без подогрева и режима всходят гораздо хуже, поражаются плесенью и растут куда медленнее, чем в тепличке. В тепличке сеянец получает максимум необходимого для роста и развития, а под солнцем и без тепличек — что бог даст...

Перед посевом все сколько-нибудь крупные семена нужно на сутки замочить в отдельных стаканчиках в растворе марганца (ро-

зового цвета). Бояться, что семена испортятся, не следует,— слабый раствор марганцевокислого калия лишь стимулирует развитие. Можно для лучшего прорастания замачивать семена (особенно давшие, сомнительной всхожести) в растворе гетероауксина, 1/10 таблетки на литр, или в растворе с микроэлементами. Во всех случаях всхожесть семян повышается процентов на 10—20. Марганцевая стерилизация семян, конечно, не спасает от всех болезней, но это все же лучше, на взгляд автора, чем замачивание в растворах медного купороса или хинозола, который задерживает рост сеянцев и вовсе не всегда спасает от грибковых эпидемий.

Сеять мокрые семена очень неудобно, поэтому лучше их слегка обсушить на промокающей бумаге или сеять с помощью пипетки-капельницы и стеклянной палочки. Вообще семена по возможности не сеют, а как бы раскладывают по поверхности земли. Только очень мелкие, как пыль, семена пародий, стромбокактусов и т. п., высеваются, иногда в смеси с пропаренным сухим песком. Посеянные семена не присыпаются ничем, а лишь слегка вдавливаются в поверхность почвы какой-нибудь плоской чистой поверхностью.

Сразу после посева плоская-кювета (с отверстиями в дне) ставится в чистый поддон с кипяченой тепловатой водой, чтобы ею пропиталась вся земля до насыщения, но так, чтобы семена отнюдь не всплыли. В воду я всегда добавляю лимонную кислоту или хотя бы сок лимона, иначе при поливе недождевой водой на сеянцах быстро образуется желтая известковая «накипь», равно как и на поверхности земли. «Накипь» останавливает рост сеянцев и даже губит их. Поливать посев сверху — значит неминуемо смыть или переместить семена, иногда это же получается и при опрыскивании. Но нельзя и наливать в поддон воду так, чтобы при погружении плоскости с посевом она заплескивалась или поднималась выше уровня земли — вода также смывает семена и безнадежно перепутает их.

Когда земля с посевом увлажнилась или когда появились большие темнеющие влажные пятна, плоску накрывают стеклом и ставят в тепличку. Стекло создает в плоске нужную влажность, но ежедневно и не по одному разу его нужно снимать, проветривать сеянцы и сливать капли испарившейся воды,— лучше всего в поддон или на крупные семена, имитируя дождь. Позднее, когда сеянцы

взойдут и подрастут настолько, что станут упираться в стекло, его убирают и довольствуются уже стеклом, накрывающим весь ящик-тепличку. Увлажнять землю нужно ежедневно, а лучше сказать еженочно. Во всяком случае опасаться сильного увлажнения кактусовых семян не следует. Во-первых, на ранних стадиях развития семена и мелкие сеянцы проходят как бы всю историю развития растений, а первыми растениями на Земле были как раз водоросли, во-вторых, и в природе кактусы всходят (и распространяются зачастую) в периоды дождей, когда тропические ливни, особенно в саваннах, льют неделями и земля и воздух бывают предельно насыщены водой. Я практикую даже дополнительное увлажнение кактусов на почв. Плоску с посевом вынимаю из теплички и ставлю ее в поддон со слегка подкисленной водой на радиатор отопления. Таким образом создается нужный для семян или сеянцев небольшой перепад температур в сторону понижения, и в то же время вода остается теплой.

Следует помнить, что кактусам вредна холодная вода, что дожди на их родине теплые, намного теплее наших летних. Восемнадцать-двадцать градусов — это нижний предел температур, лучше же поддерживать ночью двадцать пять — двадцать семь градусов. Утром вода из поддона сливается или оставляется в небольшом количестве для поддержания влажности, и плоска снова ставится в тепличку под лампы ДС. В накрытой стеклом плоске, под лампами температура должна быть 35—37—40 градусов, именно при такой температуре кактусы всходят быстрее всего. Некоторые виды (фрайлеи, астрофитумы) — уже на первый, второй, третий день. Немного отстают от них ариокарпусы и розеокактусы, а далее через пять-семь дней всходят мамиллярии, гимнокалициумы, лобивии; несколько больше времени требуют «чилийцы», ферокактусы, эхинокактусы, ореоцереусы, опунии. Иногда семена не всходят совсем, скажем, это часто бывает у ферокактусов, неочиленных, бразиликактусов и т. п. Причина здесь либо в том, что семена не завершили почти годовой период покоя, либо потеряли всхожесть.

О всхожести кактусов существует много легенд. Но можно сказать определенно, что всхожесть прежде всего зависит от того, как хранились семена и насколько удачно выбран период посева, а так-

же насколько их подготовили к посеву. Сухое и мертвое на вид семя любого растения, и не обязательно кактуса,— это живущий по своим тысячелетним законам сложнейший организм; семена дышат, в них совершаются подчиненные строгому ритму времени процессы, например, связанные с движением Земли, с ее освещенностью, влажностью, суточными колебаниями температур и т. д. Уже увлажнение семян резко усиливает их дыхание, а тепло и влажность приводят в действие механизм развития, ожидавший этого тепла и влаги. Но так как на родине кактусов периоды тепла и влаги чередуются с полугодовым, четвертьгодовым или даже почти годовым циклом сухости, то и семена также имеют циклы увеличения всхожести и падения ее. Во всяком случае невзошедшие семена всегда полезно попробовать посеять через полгода, а то и через год.

И в посеве не все растения развиваются одинаково. Крошечные шарики, столбики, зубчики, веретенца — одни быстро (конечно, относительно) идут в рост, другие догоняют их, а третьи еще едва проклевываются. Повышение температуры до 45 градусов в сочетании с высокой влажностью помогает иногда подогнать отстающих. Вспомните, как все растет в огородах после долгого ненастья и с наступлением жаркой парной погоды. Такую «ноготу» надо создавать в тепличке для всех без исключения сеянцев. Тепло усиливает обмен веществ, ускоряет и рост. Наилучшей температурой считается 37 градусов, но кактусы могут без заметного ущерба, если не с пользой, получать и более высокую температуру. Разумеется, 50—60 градусов — это уже губительная жара. Вообще же, хочу отметить, что сеянцы нуждаются в большем тепле, чем взрослые кактусы.

Правило это характерно для всего живого. В далекие времена, когда жизнь на Земле еще только возникала, климат планеты, вероятнее всего, был намного теплее, воздух насыщен водяным паром за счет испарений и гроз, в составе атмосферы было больше углекислого газа, и ныне, кстати, стимулирующего рост растений; можно предположить также, что и сутки были короче, — возможно, всего семь часов! Иначе ничем нельзя объяснить фантастический, чудовищный рост лесов в те периоды, величину и мощь деревьев,

против которых даже растущие в несколько сходных условиях нынешние леса Амазонки казались бы карликами. Любители могут попробовать создавать на ранней стадии развития сеянцев условия такого древнего тропического дня; можно было бы попытаться делить сутки надвое, «сотворяя» для сеянцев два дня и две ночи по восемь часов,— как знать, не ускорит ли это их рост в первое время?

Ежедневно проветривая посев, сливая капли испарившейся воды, мы должны очень внимательно — лучше всего через луну, — смотреть, не появилось ли где растение с темно-свинцовым нездоровым видом, нет ли этой свинцовости у корневой шейки сеянца, не протянулись ли по земле похожие на тончайшую паутину нити белой плесени, или не образовалась ли пленка темной зелени, остро пахнущая огурцом, когда ее взворащивать. Иногда на земле появляется и зеленый налет — микроскопические водоросли и мох. Все это — опаснейшие враги сеянцев, с которыми трудно бороться. Всего страшнее из перечисленных — гниль шейки, болезнь нападает внезапно, и, как только обнаружился поникающий сеянец с почерневшей распадающейся ножкой, его немедленно нужно убрать вместе с комом земли, вынутой как можно шире. Беда еще и в том, что к моменту, когда заболевание бывает обнаружено, многие другие сеянцы уже поражены, и гибель их просто дело времени.

Помню, как я посеял семена красивой Лобивии яйо, полученные от своего же растения, как радовался, когда насчитал триста веселых зеленых сеянцев, похожих на маленькие булавы, как немного огорчился, обнаружив через пару дней, что часть их погибла, растворилась как будто, вначале поникнув, а потом все мои мечты и надежды — сколько кактусов я смогу выменять на подрастающие сеянцы — развеяло: в течение двух недель все растеньица погибли одно за другим, — не спасла их и пикировка в другую землю. Точно так же «съела» белая паутинная плесень плоскую с прекрасными сеянцами, где было несколько ариокарпусов, розеокактусов и редких белых мамиллярий: я уехал в двухдневную командировку, а, вернувшись, обнаружил, что сеянцы валяются как подкошенные. Водоросли (они активно развиваются в щелочной среде) «съедают» кактусы медленнее или останавливают их рост. Несколь-

ко помогает опрыскивание семян раствором медного купороса или хинозола (купорос 1—1,5 грамма на литр, а хинозол 0,5 грамма). Но опрыскивание купоросом хорошо как лишь предохранительная мера, ибо заболевшие кактусы это уже не спасает. А хинозол, широко рекламируемый многими любителями, останавливает рост семян и также не дает гарантий, что все будет хорошо. Эффективней всего профилактическое опрыскивание примерно месячных семян раствором купороса и внимательное ежедневное наблюдение. Убирать заболевшие растения надо безжалостно,— иначе губятся все остальные. Иногда помогает и пикировка в свежую чистую землю.

Почти в каждом посеве бывают и бесхлорофилловые формы, то есть белые, розовые, бледно-зеленые растения, целиком или частично лишенные хлорофилла,— вещества, без которого растение не может нормально развиваться. Такие семена стоят до месяца, много—два и живут за счет запасов, имевшихся при «рождении». Потом они непременно погибнут. Спасти такой сеянец можно только прививкой его на жизнестойкий подвой и получить таким образом диковинное студневидное растение исходной формы, которое может на подвое даже цвести и давать маловсхожие семена. Особенно часто бесхлорофилловые семена бывают у гибридов. Иногда такие семена исправляются и превращаются в нормальные при длительном затемнении до 2 суток. Если посев произведен правильно, соблюдены и необходимая стерильность и осторожность, то уже через неделю-другую после появления всходов крохотные горошинки, булавки, веретенца начинают образовывать на макушках шерстинки, колючечки, точки-глазки и выглядят при этом очень трогательно, ни дать ни взять вихрастые детки, детеныши, начинающие понемногу подрастать и оформляться. К этому времени пора подумать уже о первой пикировке семян.

Пикируют их, то есть переносят и рассаживают рядами точно в такую же землю обязательно с комочком земли на корешке, с помощью деревянной или стеклянной палочки-лопаточки. Садят в углубление, заранее сделанное в земле. Сеянцы, особенно мелкие, нельзя сдавливать,— если брать их пальцами, то только очень осторожно. Слишком ранняя пикировка, пока сеянцы не образовали

еще первых колючек, вредна и замедляет их рост, зато когда первые колючки есть, от пикировки сеянцы только выигрывают и начинают быстро расти. Сразу после пикировки растеньица не поливают, а лишь опрыскивают. Полив с поддона можно начать на третий-четвертый день. Далее кактусята снова помещаются в тепличку, накрываются стеклом, и режим остается прежний.

В среднем бурное развитие сеянцев идет месяца полтора-два, после чего они «останавливаются» и нужно их снова пикировать, иначе «остановка» затянется до следующего года, а за этот период множество сеянцев погибнет, особенно зимой. Применяя от четырех до семи пикировок в первый год и три пикировки на втором году, я добивался того, что двулетние сеянцы выглядели почти взрослыми растениями, а отдельные, например, Ореocereus нецельзианус, Бразиликактус Гресснера, Цефалocereus сенилис, Эпистома напа, астрофитумы разных видов, поражали своей величиной. Так мне удалось вырастить Астрофитум астериас величиной в средних размеров яблоко, и на второй год он успешно цвел. Без пикировок такой кактус (имеется в виду растущий на своих корнях) не достигает указанного размера и через десять лет. Примерно с четвертой-пятой пикировки кактусы помещаются в более глинистую землю, особенно это важно для астрофитумов, белых мамиллярий, ферокактусов, турбиникарпусов и других «мексиканцев». На втором году жирная листовая земля заменяется в большей степени дерновой и в конце концов смесями, необходимыми тому или иному виду. Пикируются сеянцы всегда густовато, то есть на расстояние в один, полтора, много два диаметра сеянца. В сообществах растеньица развиваются лучше, по крайней мере в молодом возрасте.

Удобряют сеянцы так же, как взрослые растения, но количество удобрения в расчете на объем воды берется в половину меньше.

Через два года (иногда через год) можно начать приучение сеянцев к режиму взрослого растения, сохраняя лишь в зимнее время подсвечивание их лампами дневного света в течение десяти-двенадцати часов.

На третьем году в коллекцию отбираются наиболее здоровые, красивые, хорошо сформированные, развитые, околюченные и опу-

шенные растения. Так вы становитесь обладателем коллекции, которая создавалась вашим трудом и вашим попечением. Теперь кактусы будут дальше набирать силу, расти, хорошеть, радовать своим цветением. У такой коллекции все впереди.

И в завершение раздела о выращивании кактусов хотелось бы сказать то, с чего, возможно, надо было начинать. Время посева разные любители выбирают по-разному. Одни стоят за весну, другие сеют ранним летом, третьи — зимой. Перепробовав все способы, автор пришел к выводу, что сеять кактусы нужно осенью и даже поздней осенью в конце октября, ноябре. Посев в конце октября позволяет использовать то бессолнечное время, когда крохотным сеянцам солнце практически не нужно и даже может повредить. За это время (ноябрь, декабрь, январь) сеянцы, разумеется, только в тепличке с лампами, всходят, оформляются, переносят первую пикировку или даже две, и к февралю их уже можно начинать «греть» по часу-два, на первом февральском солнце, конечно, защитив стеклом и даже забеливая его. Без солнца здоровые сеянцы никогда не вырастить, никакие лампы не дают растениям того, что дает светило, его можно лишь на время подменять и дополнять, но нельзя полноценно заменить. Вот почему приучать сеянцы к солнцу, притеняя стекло, накладывая на него теньевую решетку из лучинок или бумаги,— необходимо весь дальнейший год. Без притенения сеянцы могут погибнуть и в течение часа. В закрытой стеклом плошке солнце легко может сжечь и «сварить» нежные растения— об этом должен помнить кактусовод, воспитывающий своих подопечных.

Опыт хорош, если за него не заплачено
слишком дорого.

Лоуэлл

2.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ЗЕМЛИ...

Наверное, это было всегда — всегда люди и люди ли только, — может быть, и животные, и все живое вообще искало лучшее: новую землю, новый мир, Новый Свет. Не это ли желание двигало переселяющиеся стада древних быков, гнало к северу мамонтов и носорогов, не оно ли вело стаи птиц, и, конечно, руководствуясь им, шел некогда мой предок, опираясь на тяжелое копьё, а за ним, таща за собой ревушее потомство, двигалась неведомая мне пра-родительница. Все туда же, в поисках новой, плодородной и обильной земли шли Колумбы, Да Гамы, Магелланы и Лаперузы...

И было так... Корабль, черный от непогод, с излатанными и рваными парусами, с покривленными мачтами, приближался к неведомому темному берегу (остров ли? материк ли?), и молча, уже не в силах кричать от накатывающего восторга, стояли на палубе и по бортам, тянули руки и шеи, ждали каждый по-своему: Земли! Воды! Золота! Приключений! Красивых женщин! Вкусных плодов! Опасностей! Отдыха! Славы... И земля приближалась. Новая земля. Неведомая земля. Нехоженная земля... Не открытая еще никем... Чудесная Новая земля...

Да простят меня читатели за столь вольное сопоставление, но я не менее жаждал, искал новой земли для своих питомцев и терпел в этом поиске неудачу за неудачей. Красивые и весьма дорогие кактусы, которые приходилось добывать в дальних краях, например в Прибалтике, за которые я платил не только деньгами, но и того дороже, просьбами и поклонами, кактусы, которых ни у кого еще не было в нашем городе, не слишком долго радовали меня. Очень скоро их цветные яркие колючки и щетины — желтые, красные, коричневые и фиолетовые — начинали блекнуть, все чистые насыщенные тона заменялись полутонами, желтый, например, пале-

вым, оранжевый каким-то вылинявшим белесым, белый — серым, фиолетовый и черный — грязноватым и словно бы графитным. Растения точно грустили по оставленным ими теплицам, точно кому-то безмолвно жаловались. Размышляя над их состоянием, я искал причины и в числе главных считал, что повинна во всем земля, в которую кактусы были пересажены. «Не та земля,— думал я,— в другой почве они бы чувствовали себя лучше». И я принялся за поиски земли.

Жирный парниковый перегной оказался мне наилучшим для «оживления» кактусов. Я пересадил их и в чайнии лучшего подождать около месяца — кактусам стало еще хуже, некоторые из них загнили, другие оказались без корней, третьи начали расти, но принимали какую-то неприятную грушевидную форму и «лысели» — теряли колючки. Сам прирост, правда, был светлого, радующего глаз зеленого цвета, но позднее я убедился, что светло-зеленая окраска верхушек у многих кактусов — свидетельство их болезни. Единственное, что казалось мне бесспорно хорошим, — появление на боках растений мелких деток. Но детки детками, а было ясно — не та земля, нет...

Прикинув, что кактусы — дети пустынь, переведя соответствующие главы из немецких книг, я принялся составлять смесь из глины с песком и камнем, причем суглинок, не раздумывая долго, брал прямо из огорода на своей даче, а песок также поблизости на дороге, намытый весенним ручьем. Земля получилась тяжелой и после первых же поливок сделалась в горшках наподобие бетона. Кактусы тут росли немногим лучше, чем в черноземе, и также вдруг оказывались без корней. Тогда, начитавшись новых книг, я пришел к выводу, что лучшей будет земля с горных склонов (ведь большинство кактусов растет на высокогорьях, на глинистых осыпях и камешниках) — прикинул, где могу достать именно такую землю.

Дело было в мае, и, захватив рюкзак и портфель (не тащить же землю в ведре), мы с женой отправились на электричке за город к одной хорошо нам известной горушке, где были как раз такие склоны и осыпи. На горке этой мы бывали часто, выкапывали лесные цветы для своего сада и почему-то оба уверовали, что лучшая земля именно там. Какое буйное, иначе не скажешь, и словно бы

хмельное разнотравье вымахивало на той горке, похожей на холм! Ноги с трудом продирались сквозь это цветение, путались в зарослях цветных горошков и чины, луговой и лесной герани, саранок, еще не набравших цвет, но уже достаточно высоких, и просто «травы», злаковников и осок. Держа в уме картины настоящего и будущего цветения этого холма, мы набрали глинистой, каменистой слегка и как будто жирноватой земли, отчасти напоминающей ту, в какой живут мелкие красные и коричневые земляные муравьи. Муравьев здесь действительно было пропасть, под каждым камнем и просто так, больших и малых, бескрылых и крылатых. То и дело жена жаловалась, что ее укусили, но лопата за лопатой мы набивали рюкзаки и вот шли, сгибаясь под их тяжестью, как это пишут в школьных сочинениях, усталые, но довольные и почти счастливые. Нам казалось, что теперь-то земля будет «та самая», и в шутку мы назвали ее америкапской.

Читатель проницательный, вероятно, усмехнулся и оказался прав,— и «американская» земля не дала никаких результатов: кактусы в ней, посаженные по всем правилам, по рекомендациям из книги В. Хаге, росли не лучше, чем в огородном суглинке. Да что же это такое? Какую землю им надо! Может, один гольный песок? Кактусы в нем вроде бы не теряли корней, но роста заметного тоже не было. Долго я мог бы еще повествовать о неудачах, разочарованиях, огорчениях, погибших кактусах, ибо мы и добавляли в землю известь, и принимались удобрять, и вносили «битую штукатурку» (старую), как рекомендовалось, и поливали коровяком, и птичьим пометом, и микроудобрениями. Ничего не помогало. Кактусы росли плохо, «стояли», гибли, чернели, обращались в пустую скорлупу. И это даже в просеянной, проницаемой песчано-глинисто-листово-дерновой, составленной по всем правилам... Причиняется, крылись вовсе не в земле или по крайней мере лишь отчасти в ней.

Самое главное: земля была заражена вредителями, кроме того, я привез их полный набор вместе с растениями. И если в теплицах кактусы еще боролись с ними сами, в иных и худших условиях вредители напускались на корни кактусов, и растения гибли или болели. Нематоды, личинки мух, трипсов, корнееды и всякая

прочая нечисть, в избытке представленная в непропаренной, недезинфицированной земле, не говоря уже о бактериях, вирусах и грибах, мгновенно поражала кактусы. Ясно, что пересаживать их можно было бесконечно (и безрезультатно) в любую такого рода землю. Результат был бы тот же.

Вторая причина — полив кактусов водопроводной водой очень быстро менял кислотность земли в сторону защелачивания, а обилие солей кальция (известки) не только делает почву не пригодной для роста, но еще и образует на сосущих корнях и шейке кактуса известковый налет, «скорлупу», «чехлики», которые не дают корням возможности получать воду и питание.

Третье — сменявшиеся условия. Кактусы, выросшие в оранжереях под полным солнцем в непрерывной влажности, вдруг оказались как бы в пещере с односторонним освещением.

Четвертое — воздух. Загазованный перекресток с шумным движением, с запахами бензина, масел вряд ли лучшее место для кактусов после загородных теплиц чуть ли не на берегу моря. А воздух комнаты, предельно сухой, и в сравнении не может идти с воздухом взморья.

Все эти выводы я делаю уже сейчас, после горького, десятилетие длившегося опыта. В ходе этого невольного эксперимента я накрепко убедился, что земля не самое главное в выращивании кактусов. Для их здорового роста нужен комплекс условий, и прежде всего отсутствие вредителей, полноценный свет, мягкая вода, влажность воздуха, правильный сезонный режим содержания. Понял я также, что кактусы, выросшие в разных почвенно-климатических зонах (пустыня, горы, саванна, лес), нельзя содержать в одинаковых условиях, как нельзя содержать одинаково и кактусы из разных концов огромного континента Америки.

Однако, отрицая главнейшее значение почвы, я отнюдь не отрицаю важности знаний о ее структуре, кислотности, воздушном и водном режиме. Более того, эти знания совершенно необходимы тем, кто отважно, — иначе не скажу, — берется за выращивание кактусов на их собственных корнях. Тут нужен максимум знаний и умения подбирать эту почву, смесь, субстрат для каждой группы видов, если не для всякого одиночного растения из каждой кли-

матической зоны. Так, для белых мамиллярнй режим полива и состав земли будет один, для гимнокалициумов — другой, для пародий — третий, для ореocereусов — четвертый, для ариокарпусов — пятый, для ферокактусов — шестой, для эхинокактусов — седьмой и т. д. В свою очередь в группе белых мамиллярнй одна почва и режим требуются для таких, как Мамиллярна боказана или Мамиллярна кандида, другая почва и совсем другой режим для Мамиллярнй плюмоза или Мамиллярнй пенниспиноза (эти виды не переносят полива сверху и вообще как будто не нуждаются в увлажнении чаще двух раз в лето). Для примера еще: немало помучившись с астрофитумами, я пришел к выводу, что хорошо они растут лишь в суглинистой пахотной земле с добавлением песка, битого кирпича и каменной крошки, причем каждый вид имеет свои индивидуальные «вкусы», о чем будет сказано далее; в то же время пародии (тоже горные кактусы, как и астрофитумы) в подобной земле теряют корни, пародиям нужна земля с перегноем и торфом, хотя и не для всех видов.

Виды земляных смесей, подобранных мною чисто опытным путем, даны в конце этой главы, а также в описаниях содержания тех или иных видов кактусов, но все-таки, раздумывая о почве и ее свойствах, я прихожу к выводу, что «растения знают и еще какие-то тайны земли», которые надо искать и открывать. Так, одев однажды свою родственницу из зауральского городка черенками кактусов, я удивился без меры, когда увидел громадные опунции, великолепные мамиллярии, растущие прямо на окне ее квартиры. Растения были посажены в глиняные латки и даже в старые кастрюли, росли без соблюдения каких бы то ни было правил ухода, посаженные во что-то напоминающее чистый торф, без удобрений и без пропариваний. Что же это за земля? На все вопросы ответ был один: а просто земля из старой кучи торфа, лежавшего много лет.

Кстати о торфе. Добавлять его в землю для кактусов в последнее время стали многие любители. Особенно хорош он для опунций, эхинопсисов, для цереусов и выющихся растений. Очень хороша добавка торфа для всех кактусов, растущих на подвоях. Повышая кислотность почвы, а кактусы любят землю не столько ще-

лочную, сколько умеренно кислую (РН в пределах от 4,5 до 7), торф способствует их росту. Однако не всякий торф годится для примешивания к земле. Чрезмерно кислый и свежий верховой торф сфагновых болот малопригоден, ибо в избытке содержит гуминовые кислоты. Кислоты эти в небольшом и среднем количестве являются стимуляторами роста, в чрезмерном же количестве как в почве, так и в воде останавливают рост растений. Вот почему торф нужен низинный вылежавшийся, «перегоревший», то есть превратившийся в подобие черной, мягкой, как будто пуховой земли.

И последнее, что хотелось бы сказать о посадке кактусов. Пересаживать их следует лишь ранней весной в марте — апреле или даже в конце зимы (кроме сеяшцев). При пересадке обрезают все большие, сгнившие и «ненадежные» корни. Надо знать, что часть корпей у кактусов отмирает естественно, подобно тому, как опадают у деревьев сучья или отслужившие листья. Перед каждой весной правильно зимовавший, «отдохнувший» кактус имеет зачатки новых корпей на нижней части корневой шейки и на основных старых корнях. Эти «корневые почки» тотчас трогаются в рост, когда приходит время кактусу расти под влиянием солнца, тепла и влаги, вот почему важно пересадить растения пораньше, в конце зимы, пока «корневые почки» не выпустили нежные, перистые и вначале даже похожие на плесень новые корни.

Пересадка осуществляется следующим образом. Сначала в горшок кладут битые черепки, керамзит или кусочки кирпича, затем относительно мелкую плодородную землю — смесь, на которую растение ставится корнями. (Если корни больные, их обрезают до здорового основания, присыпают углем и растение подсушивают в тени три-четыре дня, иначе оно загниет после пересадки.) Засыпают корни также хорошей пропаренной землей, а выше добавляют той же земли, но более грубой, смешанной с мелким гравием, поверхность засыпается уже чистым гравием или крупным проваренным в кипятке песком. Верхний слой полезно выдержать в растворе медного купороса, употребляемом для опрыскивания, что предохраняет шейки кактусов от грибковой гнили. Пересаженный кактус на неделю ставится в теплое притененное место. Солнце сразу после

пересадки губительно, ибо кактус еще не может нормально пить и, значит, испарять влагу. Поливка дается на четвертый-пятый день после пересадки, сначала осторожная, а далее, когда будет видно по самому растению, что оно «взялось» за землю,— и чаще.

А в завершение автор все-таки рекомендует искать Новую Землю. Она несомненно есть. Есть такая земля, где кактусы благоденствуют,— найти ее для всех видов — наша общая задача. Но надо и помнить, что как человек жив не хлебом единым, так не одной землей жив и кактус.

ПРАВИЛА ПЕРЕСАДКИ КАКТУСОВ

1. Подготовить группу кактусов для пересадки.
2. Составить смесь земли для данной группы.
3. Пропарить смесь, дезинфицировать посуду.
4. Пересаживать растения подготовленные, с осмотренными корнями, все срезы присыпать углем и подсушить не менее суток.
5. Молодые растения (3—5 лет) пересаживать ежегодно, средний возраст (5—7 лет) раз в два года, старые растения (свыше 7—10 лет) раз в 3—4 года, стараясь не нарушать корневую систему.
6. Пересаживать перед весной (февраль) или ранней весной (март).
7. Кактусы брать и удерживать газетным пояском.

СОСТАВЫ СМЕСЕЙ

Смесь № 1 (тропическая лесная)

Листовая земля 2 части

Торфяная земля 3 »

Дерновая
(глинистая) 2 »

Песок 2 »

Уголь 1 »

Смесь № 2 (земля саванны и степи)

Листовая земля 2 части

Торфяная 1 »

Дерновая 3 »

Песок 2 »

Уголь 2 »

Условное
обозначение
—Л

—С

Смесь № 3 (пустынная)		— П
Торфяная земля	1 часть	
Дерновая	4 части	
Песок	3 »	
Кирпич битый (керамзит)	1 »	
Уголь	1 »	
Смесь № 4 (горная)		— Г
Листовая земля	2 части	
Дерновая земля	3 »	
Песок	2 »	
Гравий мелкий	2 »	
Уголь	1 »	

Мудр не тот, кто много знает, а тот,
чьи знания полезны.

Эсхил

3.

КОЕ-ЧТО ИЗ ОБЛАСТИ ХИМИИ

К химии многие чувствуют неодолимое тяготение, многие, но не все... У иных химия непременно связывается с гадкими запахами, видом отравленной воды, кислотами, серными желтыми парами и дымами и мало ли еще с чем, что неприятно для эстетических струн души. Однако без химии современный человек уже не может ступить и шагу, взять хоть процесс умывания и чистки зубов — ведь и мыло, и паста, и хлорированная, стерилизованная таким образом вода — все результат взаимодействия с этой «невыносимой» наукой. Не обошлось и кактусное дело, если можно так выразиться, без вмешательства химии...

Здесь я задам вопрос: что такое плодородная тучная земля? Это унавоженная земля, перегной, торф, чернозем и т. д. — ответят некоторые. Значит, можно предположить, что именно перегноем, гумусом, черноземом и питается с помощью корней растение? Утверждая это, мы делаем ошибку. Растение, как известно, не пита-

ётся ни перегноем, ни гумусом, оно усваивает лишь минеральные соли, а следовательно, элементы и микроэлементы, связанные в них и содержащиеся в перегное в большом количестве. Для доказательства можно поставить опыт, когда совсем лишенная земли растение прекрасно развивается, получая раствор солей. Истина эта как нельзя более подходит к содержанию кактусов. Живя на почвах, бедных гумусом, но зато богатых минеральными солями, кактусы (а лучше сказать их корни) испытывают в перегнойной земле натиск мириадом разлагающих растительное вещество бактерий и грибов, что нехарактерно для кактусовых корней на их родине. Вот почему в перегнойной земле корни кактусов из пустынь, со скал и склонов «теряются», сгнивают, не выдерживают натиска, усугубляемого часто неверно подобранным уровнем кислотности. Вот почему для правильного выращивания кактусов необходимо и знание земли, и знание химии, и знание физиологии растений — науки, изучающей закономерности роста и сущность всех процессов, идущих в растении во взаимосвязи с окружающей средой.

Известно, что основными элементами, входящими в состав растения, являются углерод (С), кислород (О), водород (Н) и азот (N), что средний состав сухого вещества всего, растущего: С — 45 %, О — 42 %, Н — 6,5 %, N — 1,5 %, прочая «зола» — 5 %. В «мокром» виде большую часть растения, в данном случае кактуса, естественно составляет вода. Помимо основных элементов, в состав растения входят фосфор (P), сера (S), калий (K), кальций (Ca), магний (Mg) и железо (Fe). Наконец, в растении всегда присутствуют в ничтожно малых долях так называемые микроэлементы: бор, марганец, кобальт, медь, никель, молибден, вольфрам, цинк и мизерное количество радиоактивных элементов.

В отличие от животных растение питается двояко: с помощью листьев (у кактусов всей поверхности тела) и корней, причем поверхность кактуса, усваивая углекислый газ CO_2 и частично воду, играет такую же важную роль, как и корневая система. С помощью корня кактус втягивает воду и растворенные в ней соли, в которых содержатся все упомянутые выше элементы. Недостаток любого необходимого кактусу элемента в почве (хотя бы и микроэлемента) влечет за собой болезнь растения. Так, недостаток азота за-

держивает рост (в то время как излишек того же азота вреден для медленно растущих кактусов). Недостаток фосфора угнетает цветение, нехватка калия также вредна, ибо растение становится рыхлым, недостаток кальция (известки) ведет к тому, что у растения плохо формируется опушение, колючки и т. п. Угнетающе действует и недостаток микроэлементов, которые для растения подобны витаминам, хотя витамины сами по себе есть в растении, равно как и особые вещества — стимуляторы роста и цветения. Длительное время считалось, что кактусы не выносят удобрений, что им удобрения якобы вредны и опасны. Ныне же выяснено, что растения из засушливых тропиков, степей и полупустынь как раз нуждаются в большом количестве минеральных солей, хорошо их усваивают, важно лишь, чтобы соблюдалось нужное соотношение азота, калия, кальция и других элементов и чтобы корни растений были здоровыми.

Удобрение кактусов должно быть правилом хорошего содержания, ибо ни одна самая идеальная земляная смесь не способна дать растению все, что нужно ему для наилучшего развития. Важно знать ряд правил, на которых необходимо остановиться.

Правило первое: Нельзя удобрять кактусы в период покоя. Это все равно что кормить спящего. Только тронувшийся в рост кактус должен получать удобрение и то вначале в половинных дозах.

Правило второе: Нельзя удобрять растения больные, не растущие, с пораженными корнями или только что пересаженные.

Правило третье: Нежелательно удобрять кактусы в солнечную жаркую погоду, для этого больше подходит либо пасмурный день, либо вечер после захода солнца.

Правило четвертое: Удобрение лучше давать снизу, через поддон, а не прямой поливкой.

Перед каждой подкормкой удобрением кактусы необходимо хорошо полить дождевой водой. Если хозяин коллекции побанавается, что поливка удобрением была сильной и могли пострадать корни, лучше на другой день снова полить кактусы дождевой водой.

Перед началом «удобрительного» сезона все кактусы обильно

поливают, а воду, которая вышла в поддон, сливают, так делают с растениями, которые не пересаживаются.

Удобрительные поливки производятся не чаще одного раза в десять дней, и лишь в периоды максимального роста кактусов (июнь, август, сентябрь) поливать можно еженедельно.

В период летней стагнации (замирания роста), который бывает не у всех кактусов, «остановившиеся» растения не удобряют. И вообще в июле удобрительные растворы нужно давать реже и половинной концентрации.

Не следует чрезмерно удобрять кактус, набравший бутоны, от этого бутоны могут переродиться в детки. Такие страшные превращения в моей практике бывали, например, у ребуций и даже у опунций, последние, кажется, вообще предпочитают в наших условиях замещать бутоны и цветы новыми побегами. В период цветения кактусы надо удобрять половинным раствором или несколько увеличивать фосфорную (суперфосфат) часть удобрения.

Осенью в октябре, когда растение готовится к зимнему периоду покоя (от ноября до марта, а у некоторых кактусов от декабря до конца февраля), сокращается азотная часть удобрения, зато увеличивается количество солей калия. В октябре кактусы поливают удобрением не чаще двух раз и в половинном объеме.

В целом же можно сказать, что кактусы, которые пересаживаются ежегодно, почти не нуждаются в подкормках и те любители, которые «боятся» химии, могут обойтись без удобрений, за счет внимательного отношения к земле. Но, разумеется, в таком случае рост кактусов, развитие всех компонентов (колючки, «шерсть», опушение, цветы, формы) будут скромнее, чем у растений, получающих полноценное удобрение. Зато кактусы, «привыкшие» к постоянному усиленному питанию, уже чувствуют себя без него плохо, вот почему, покупая упитанный веселый кактус, надо обязательно знать, чем его «кормили» и в каких пропорциях.

Подкормки кактусов навозной жижей, птичьим пометом, коровяком и т. п. недопустимы, ибо в этих удобрениях содержится чрезмерное количество азота. Поливку настоем коровяка (слабым) можно практиковать для опунций, а для других кактусов пробовать лишь опытным путем.

УДОБРИТЕЛЬНЫЕ СМЕСИ ДЛЯ КАКТУСОВ

Смесь Кадатского в граммах:

1. Калий фосфорнокислый однозамещенный	100
2. Аммоний фосфорнокислый двузамещенный	15
3. Аммоний сернокислый	40
4. Калий азотнокислый	20
5. Кальций азотнокислый	20
6. Магний сернокислый	5
От 0,5 грамма до 1,5 грамма смеси на 1 литр дождевой или кипяченой воды.	

Смесь Хаге:

1. Калийная селитра	40
2. Калий фосфорнокислый однозамещенный	25
3. Суперфосфат 20 %	15
4. Калий сернокислый	10
5. Калий хлористый	9
6. Магний сернокислый	1
0,5—1 г смеси на 1 литр	

Смесь микроэлементов:

1. Железо сернокислое закисное	38
2. Марганец сернокислый	15
3. Борная кислота	21
4. Медь сернокислая	1,5
5. Цинк сернокислый	1,5
6. Кобальт сернокислый	0,5
7. Никель сернокислый	0,5
8. Алюмокалиевые квасцы	1
9. Хромокалиевые квасцы	0,5
10. Молибденовокислый аммоний	0,3
11. Вольфрамвоксислый натрий	0,3
12. Ванадиевоксислый аммоний	0,3
13. Литий углекислый	0,5
14. Йодистый калий	0,3
15. Кадмий бромистый	0,3

1 грамм смеси микроэлементов добавляется к 200 граммам основного удобрения. Или в растворе 1 грамма на 100 литров воды или 0,01 г на 1 литр.

Наилучшие отдельные соли для удобрения:

KNO_3 (калийная селитра). Источник азота. Стимулирует рост растения.

KH_2PO_4 (калий фосфорнокислый однозамещенный). Соль,

содержащая фосфор и калий, способствует цветению и плодоношению, но задерживает рост. Более пригодна осенью и перед цветением.

Суперфосфат стимулирует цветение и рост кактусов.

При поливе отдельными солями пропорция — 1 г на 1 литр воды.

Земля — казна, вода — золото.

Узбекская пословица

4.

ВОДА И ВОДЫ

Вода в жизни кактусов имеет такое же большое значение, как свет, чистый воздух, тепло, здоровая почва. Все рассказы, будто кактусы тем и хороши, что «их не надо поливать», что они растут «хоть как» («они ведь из пустыни») — не более чем вздорные утверждения людей несведущих. Иное дело, что формы потребления воды у кактусов достаточно своеобразны, очень различны, однако не настолько, чтобы отделять кактусы от всех растений вообще. Вспомните, что даже обыкновенная капуста великолепно улавливает, проводит и запасает воду, вспомните, как зеркальными каплями дождь скатывается по ее широко расставленным листьям и листья эти к тому же защищают землю от иссушения, вспомните, какие капли, подобные ргунтым, набирает из росы сборчатолостое растение манжетка. А капли на острие каждой гравинки ранним утром?

Кактусы «научились» извлекать воду наиболее совершенным образом и наиболее совершенно ее используют. Можно утверждать, что для повседневной жизни кактус довольствуется улавливанием влаги из воздуха, ночной росы и тумана, для этой цели служат волоски, шерсть, шипы, колючки, аккумулярующие и проводящие влагу ночью; корни же усваивают влагу лишь в период бурного роста и цветения, то есть в периоды дождей и вскоре после них. Здесь речь идет прежде всего о кактусах из пустынь, саванн и гор.

что же касается лесных эпифитных кактусов, то они получают влагу в большой степени также за счет своих побегов, но уже почти круглый год.

Следует заметить, что по насыщенности воздуха влагой большинство районов Мексики, Центральной Америки, лежащих узкой полосой между двумя колоссальными бассейнами воды — океанами — превосходят, скажем, Африку и тем более Азию. В квартирах же, где содержится большинство наших кактусов, воздух настолько высушен и пересушен, что, как ни странно, растения страдают в условиях оконного содержания более всего от сухости. Кактус, безжизненно стоящий на окне в комнате, тотчас начинает расти и хорошо себя, как только его переносят во влажное тепло парника или теплички, и наоборот: попадая из влажного тепла в сухую прохладу квартиры, он «останавливается» за исключением немногих предельно выносливых видов, но и те «стараются расти», когда окна квартиры открыты и, следовательно, влажность гораздо выше, чем зимой.

Влажность, необходимую для нормальной жизни, любит ведь и человек: приятно выйти «на свежий воздух», ибо это не что иное, как погрузиться в другую, естественную для человека влажность. Она нужна еще и потому, что совмещается с полезной всему живому отрицательной ионизацией.

Но если мы, ощущая нужду в свежем воздухе, всегда можем выйти на улицу, то кактусы этого сделать не могут, и, чтобы им хорошо жилось, нужно либо закрытое помещение с искусственно поднятой влажностью (тепличка), либо прививка на мощные устойчивые подвои, где кактус живет за счет питания корнями неприхотливого вида. Несколько лучше чувствуют себя кактусы на окнах деревенских и загородных домов, где естественно много выше влажность, чем в бетонно-асфальтовом цекле городского центра.

Однажды на заре кактусного собирательства я посетил некую любительницу, которая, как мне сообщили, имела «уникальную коллекцию». Действительно, на окнах этой квартиры, на модных тогда жардиньерках, подобии витражей и полочек размещалось видов тридцать кактусов и суккулентных кактусоподобных растений, которым судьба определила быть безделушками, так сказать, завер-

шением облика этого экстра-культурного интерьера. Не будем слишком смеяться над желанием включить кактусы в интерьер современной квартиры. Это может быть действительно очень красиво, но лишь там, где кактус не приравнивается к безделушке. В данном же случае кактусы, все без исключения поставленные или посаженные в яркую керамику, разного рода кувшинчики и плошки, смотрелись эффектно в сочетании с яркими шторами, паласами, глянец мебели, ковром, расписными псевдоантичными и псевдомексиканскими тарелками на стенах — словом, со всем, к чему можно применить обозначение: экстра, супер, модерн, современность, экстравагантность, люкс! Женщина — владелица этого яркого мирка — была в точности подобна ему, приняла меня очень радушно, с милым отдалением на недосыгаемое расстояние, в уборе шамаханской царицы, в каком-то даже тюрбане. Я был оделен разного рода ступенями (кактусоподобные африканцы), но суть не в дарах, ибо я уже говорил, что, выклянчивая кактусы, никто еще ничего путного не собрал, — суть была в том, что, встретив женщину через пару лет, когда я уже значительно преуспел в коллекционировании, я услышал жалобу, что все почти растения, купленные так дорого где-то в Москве, засохли и что она совершенно разочаровалась в кактусоводстве.

Явление закономерное. Томить живое растение где-нибудь на камине, в глубине комнаты — значит, заранее обречь его на гибель. Вот и получается, что обыкновенная пальма, сансевьера, бегония, фикус не в пример выносливее кактуса, прославленного своей якобы безмерной неприхотливостью, — «его и поливать не надо!»

Высокий уровень влажности, особенно по ночам, — главное условие здорового роста кактуса. Нигде не выпадают ночами столь обильные росы, как в пустынях, на горах и в других местностях с резкими перепадами температур. Вспомните утро в нашем августовском лесу, когда стоит неизменно ясная погода, а ночи уже удлиннились и приближаются к тропическим. Уже с вечера на траве и листьях, на камнях и вообще на всем оседает мелкая изморось, к утру превращающаяся в крупную росу, подобие ночного дождя. Именно эту влагу аккумулируют, проводят к основанию корня и «пьют» кактусы. Кактус умывается росой, что очень важно для

поддержания в чистоте его покрытой кутикулой кожицы с редкими по сравнению с другими растениями устьицами. Умея таким образом собирать воду, кактусы долго могут жить без корней и даже цвести, увеличиваться в размере. Корни, как уже писалось выше, нужны в сезон роста и дождей, в засуху же мелкие сосущие корни, как правило, даже отмирают. Не нужно лишь путать это естественное «сбрасывание» мелких корней с поражением вредителями. Теряя корни, кактус одновременно «заготавливает» новые корневые почки, которые терпеливо будут ждать нового сезона дождей и тепла.

Новые корни появляются, можно сказать, мгновенно, часто за несколько часов, за одну ночь. Нагляднее всего это можно увидеть на примере тропических гимнокалициумов, таких, как Гимнокалициум Михановича или Гимнокалициум Фридриха. Зимой эти кактусы иногда пересыхают до совершенно безжизненного вида, но едва начинается сезон дождей, гимнокалициумы пробуждаются и начинают жить даже залитые водой во время наводнений, а когда наводнение спадает, в лужицах воды на мокрых лужайках уже стоят налитые соком гимнокалициумы, выбросившие свои булавовидные бутоны. Спустя самое короткое время бутоны раскроются прекрасными розово-белыми и сиреневыми цветами. Наводнения и дождевые потоки разносят и семена многих кактусов. Разумеется, ливневые дожди и паводки бывают не везде, но сезон дождей в тропиках и субтропиках обычно хорошо выражен, а иногда этих сезонов даже два. Вот почему цикличность в развитии растений (растений ли только) — абсолютное правило и норма. Вот почему одни кактусы поливают активно только летом (саванна), другие весной и осенью (пампасы и прерии), третьи редкими, но обильными порциями летом (полупустыня и пустыня), четвертые круглый год, лишь сокращая поливку в зимнее время (горы).

В большинстве случаев мы «подгоняем» и видовой и географический состав кактусов к условиям жизни и роста в нашем климате и наших условиях, но нужно помнить, что и зимой кактусы из разных мест и разных видов нуждаются в разной степени увлажнения — одни в период покоя (ноябрь, декабрь, январь, февраль) только опрыскивают, другие изредка поливают, третьи приходится

поливать и зимой, но для этого их держат в менее холодном помещении. Холод в сочетании с влагой — вот главный враг всех кактусов. Сухой кактус терпит значительные похолодания, за минус даже. Влажный загнивает и при температуре + 10, + 15 градусов.

Ждать от кактуса непрерывного роста, а главное, пытаться стимулировать этот рост и зимой с помощью поливки — грубая и непростительная ошибка, ведущая к гибели растения.

Вода для полива должна быть чистой, мягкой, приближающейся к дождевой. В местностях горных, например на Среднем Урале, вода почти везде жесткая, насыщенная солями извести и особенно пресыщающаяся этими солями в засушливое лето или зимой (весной вода гораздо мягче, так же как и осенью за счет таяния снега и долгих дождей). Жесткая вода при поливе моментально портит любую самую хорошую почву, коэффициент жесткости возрастает до 8РН, поверхность земли и корневые шейки растений покрываются желтоватой скорлупой отложившейся извести, эта же известь непроницаемыми чехликами покрывает сосущие корни, отчего они «задыхаются» и гниют. Как результат, кактус перестает получать нормальное питание и гибнет, сначала потеряв корни.

Смена земли временно улучшает состояние растения, но продолжающаяся поливка той же водой приводит буквально через месяц-два к прежнему результату. Вот почему воду, во-первых, нужно обязательно кипятить, — при этом часть извести выпадает в осадок, в накипь, — во-вторых, прокипятив, отстаивать недели две, еще лучше собирать воду дождевую, подождав, пока дождь смывает грязь с крыш; снеговая же вода намного хуже, ибо снег проходит сквозь загазованную пыльную атмосферу города, собирает, абсорбирует весь воздушный «мусор» и часто тошнотворно пахнет химикалиями, сажей и нефтью. Кипятить воду нужно не только для того, чтобы понизить ее «закальцованность», но чтобы убить и болезнетворные бактерии, споры грибов, а также мельчайшие личинки нематод. Поливая кактусы из реки или тем более пруда, болотной лужи, мы неизбежно внесем в здоровую почву полный комплект корневых вредителей.

Какой-нибудь любитель из начинающих тотчас возмутится: «Да

что это такое?! Да как же в природе-то? Кто поливает там кактусы кипяченой водой?! Что за нежности?!» — И на этот внутренний, явно или не явно выраженный протест мне хочется обстоятельно ответить.

Дождь в горных, пустынных и лесных местностях нашего чище, чем там, где поселился человек, где есть огороды, пашни, поля и сады. Человек, собирая и культивируя растения, одновременно собирает и культивирует массу вредителей растений. Следовательно, возможность заболеть для кактуса, растущего в дикой природе, гораздо меньше, чем «под крылом» у человека.

В природе все растения выделяют так называемые фитонциды, губящие всякого рода опасную микрофлору и микрофауну. Опушка соснового бора в смысле чистоты воздуха почти стерильна. Вот он, целительный воздух леса, чист здесь и дождь, и роса.

Кактусы на родине растут более всего в таких местностях и на таких почвах, где мощное солнце, сухость, периоды ливней и многомесячного зноя исключают развитие грибковых болезней и размножение вредителей, которых, к сожалению, полным-полно в наших почвах.

Кактусы «дикие» вообще гораздо более устойчивы к болезням, так как отбор сохраняет лишь самые жизнеспособные особи, а против вредителей имеются на родине кактусов и естественные противники — насекомые, которых не имеется у нас. Можно наконец утверждать, что чистое, то есть красивое и неповрежденное растение в природе встречается нечасто, в то время как в коллекции преуспевающего собирателя чистые кактусы — правило. Кактусы в природе бывают покрыты пятнами, поедены разными листоедами, иногда источены, имеют шрамы и раны. Думается, примеров достаточно для того, чтобы ратовать за здоровую почву, чистую воду и чистые растения.

Кактусам во время роста полезно раз-два в месяц устраивать дождевание, тепловую баню, поливая растения нагретой водой из лейки по нескольку раз в день, как говорится до предела. Оберегают от таких «бань» только беловолосые виды, но некоторые кактусоводы моют и белые кактусы во время пересадок, моют с мылом (в мыльной воде и даже со стиральным порошком,

разумеется, в небольших концентрациях), прояслившая все кактусы затем в чистой мягкой воде. Итак, поливать кактусы надо в период роста чистой мягкой дождевой или кипяченой отстоявшейся водой. В жаркие дни — ежедневно или через день (на ночь), в прохладные дни реже (утром). В воду во всех случаях добавляется лимонная кислота из расчета щепотка на 3 литра.

Опрыскивать растения нужно в любое время года (на почь или утром), но лучше в период роста (только дождевой или дистиллированной водой), наливая ее в распылитель в горячем виде. Зимние опрыскивания должны прекращаться в сильные морозы.

В период начала роста я даю кактусам и водяной пар. Для этого в тепличку ставится электроплитка с кастрюлей воды. Вода кипит, в тепличке образуется влажный теплый пар, который благотворно действует на пробуждение растений после зимней спячки. Необходимо строго следить, чтобы вода не выкипала до дна; включать «подпаривание» лучше с полудня и к вечеру.

В период интенсивного роста я применяю для некоторых видов (гимнокалициумы, виггинзии, нотокактусы и некоторые другие кактусы из саванн) теплые, до 35 градусов ванны, опуская растения вместе с горшком на 25—30 минут в воду. Ванна способствует очищению кактуса от пыли, помогает росту, а также снимает и некоторых вредителей, не заметных для глаза. Купать кактусы зимой или в период покоя нельзя: они очень быстро загнивают.

В заключение хочу предостеречь любителей и от попыток оживить нерастущий, «стоящий» кактус обильными поливками. Если кактус не растет, значит, он либо потерял корни, либо подгнил, либо поражен червецом с макушки. Усиление полива только добьет растение, и оно скорее всего погибнет. Такой кактус надо извлечь из земли, обрезать все больные корни, очистить от вредителей, подсушить и укоренить заново, либо привить на хороший подвой.

СТЕПЕНИ ЖЕСТКОСТИ ВОДЫ (УСЛОВНО)

1. Дождевая вода — 0
2. Снеговая вода — 1
3. Речная проточная вода весной — 3

4. Речная проточная вода зимой и летом — 4
5. Озерная и прудовая непроточная вода — 5
6. Колодезная вода — 6
7. Колодезная вода в горных местностях с известняками — 7

СРЕДСТВА ДЛЯ СМЯГЧЕНИЯ ВОДЫ

1. Азотная кислота — 4—5 капель на литр воды
2. Лимонная кислота — 0,5 г на 3 л
3. Уксусная кислота — 4—5 капель на 1 л
4. Торф — 200 г торфа на 3 л воды, настаивать в течение суток
5. Лимонный сок — 5—7 капель на стакан воды

ПРИМЕРНАЯ ЧАСТОТА ПОЛИВА КАКТУСОВ ПО МЕСЯЦАМ

- Январь — 0
 Февраль — 0 или 1
 Март — 3—4
 Апрель — 4—7
 Май — 7—10
 Июнь — через день-два в зависимости от погоды и сухости почвы
 Июль — 3—4 (некоторые виды)
 Август — через день-два
 Сентябрь — 7—10
 Октябрь — 3—4
 Ноябрь — 2—3
 Декабрь — 1—2

5.

МОЖНО ЛИ БЫТЬ СОЛНЦЕМ!

Солнце не может быть заменено ничем. Солнце одно на всех. Солнце — это жизнь, это ласковый свет и губительный жар, это приветливое тепло и опасные ожоги... Таких прописей можно было бы привести бесконечное множество. По «солнцеёмкости», если ввести такой термин, кактусы должны относиться к наиболее потребляющим лучистую энергию растениям и к наиболее «жароустойчивым».

Однако таковы не все кактусы, а лишь некоторые. Обычный картофель, всходы которого появляются в июне, не получает никаких ожогов под самым палящим зноем. Выставите на этот зной кактус, и он получит тяжелые ожоги или даже погибнет, хотя тот же самый кактус на родине не получит никаких повреждений.

Где же истина? Их несколько. Первая: кактусы делятся на солнцелюбивые и любящие полутень — те, что растут в травах, подлеске, среди кустарников, под скалами, в тени камней, в трещинах лавы. К солнцелюбивым относится большинство пустынных и горных белых кактусов — белые мамиллярии, опушенные цереусы, клейстокактусы, кактусы с жесткой кожей и мощными колючками, какими являются североамериканские ферокактусы и эхинокактусы, а из южан — чилийские копиапоа, хорридокактусы и неочилени. Тенелюбивых кактусов, пожалуй, будет большинство или по крайней мере две трети всех видов, перечислять которые по родовому признаку даже было бы бессмысленным. Знать же свойства эти необходимо, ибо светолюбивое растение на свету развивается вдвое быстрее, чем в тени, и, наоборот, тенелюбивое, помещенное на яркий свет, вдвое замедляет свой рост. Поэтому утверждение, что всем кактусам якобы необходим свет, и чем больше, тем лучше, — неверно.

Вторая истина. Солнечное освещение на родине кактусов и у нас различно по длительности и периодичности. Световой день тропиков и субтропиков значительно короче нашего летнего дня и длиннее зимнего. На экваторе ночь и день вообще одинаковы (по 12 часов). Сумерки там наступают быстро, быстро переходят в темную ночь, утром столь же скоро светает, солнце стремительно набирает высоту, усиливая свой жар, проходит зенит и так же быстро этот жар убывает. Вот почему почти все кактусы относятся к короткодневным растениям, и многие из них у нас не цветут именно по причине долгого летнего дня и чрезмерно короткого дня зимой, когда растения «не успевают» выработать и заложить цветочные почки. Удлиненный день зимой нужен кактусам для этого скрытого роста, который мы называем периодом отдыха и покоя. На самом же деле в кактусе идет невидимая глазу жизнь, укрепляются его ткани, вызревает будущий прирост, оформляются кор-

новые и цветущие почки, растение готовится к новому этапу жизни. Поэтому важно подсвечивать кактусы дополнительно в вечерние часы осенью и зимой, а в идеальном плане и сокращать им световой день поздней весной и летом до 12—14 часов. В лучших голландских, немецких и других зарубежных кактусовых хозяйствах так и делается.

«Подсвечивание» кактусов необходимо еще и потому, что на подоконнике растения живут словно в пещере, что в природных условиях нигде не встречается. Одностороннее освещение при всей жизнестойкости кактуса вредит ему,— при этом надо учитывать и расположение квартирных окон. Замечено всеми, что кактусы и другие комнатные растения вообще лучше растут на восточных и юго-восточных окнах, хуже на южных, совсем плохо на западных и — парадокс! — несколько лучше на северо-западных окнах. На северных окнах кактусы тоже растут, однако не все виды. Объясняется это тем, что солнечный свет с утра до заката меняется. В полном смысле ласковые, нежгучие, содержащие наибольшее количество необходимых растению компонентов утренние лучи постепенно освещают и нагревают кактусы на восточных окнах, после чего солнце без ущерба для растения может заменяться лишь рассеянным светом окна; в то же время кактусы на западных окнах, с утра до полудня стоящие в тени, после полудня вдруг освещаются палящим, резким солнцем, получают своего рода «солнечный удар», удар света. Этот свет подобен струям кипятка, падающего внезапно на неподготовленную ткань растения. Результат «западного» содержания — постоянные ожоги, остановки роста, кактусы растут плохо, «перемогаются», чаще поражаются и вредителями. В чешских руководствах вообще говорится, что на западных окнах можно выращивать лишь немногие особо стойкие виды.

Но как же быть любителям? Как быть, если у кактусовода квартира без балкона, без лоджии, с окнами на север, с окнами-амбразурами или в виде круглых дыр? А западные окна, о которых я говорил только что, пожалуй, особенно часты.

Мне, тоже не имеющему балкона, в квартире с окнами на запад, повезло точно так же, как многим. Что делать? Отказываться от

разведения кактусов? Но любители готовы содержать растения хоть в подполье, лишь бы была хоть слабая надежда на успех... Итак, предстояло чем-то заменить утреннее солнце, уменьшить поражающее действие его полудневных лучей, в-третьих, удлинить световой день зимой, в-четвертых, не испортить интерьер квартиры, о чем не слишком беспокоятся мужчины, зато решительно восстают против малейшего нарушения женщины. Из оконного эркера я соорудил нечто вроде комнатной теплички (ее можно сделать практически на любом окне, удвоив остекление наружных рам, а внутренние отодвинув так, чтобы они служили задней стенкой теплички, в полученном межоконном пространстве и оборудуется помещение для кактусов). В тепличке установил я четыре лампы дневного света, а для дней с горячим солнцем устроил притеняющий экран, даже несколько экранов, один в виде жалюзи из тонких драпок (для самого сильного солнца), другой в виде бумажной решетки, третий из полупрозрачной полиэтиленовой пленки. Защитные экраны много удобней, чем забеливание окна полосами извести, легко убираются и надежно защищают кактусы от перегрева и ожогов. Само собой, что в пасмурные дни защитный экран снимается. Таким образом, я почти решил все проблемы — кактусы стали получать подсвечивание с утра до полудня, а зимой и во второй половине дня перестали «гореть», квартира же от «кактусника» только выиграла: отделав тепличку полированным деревом, я заслужил признание и у жены, которая, — несколько необычный случай, — занимается кактусами с не меньшим усердием, чем автор.

Растения в тепличке с лампами стали расти безусловно лучше, однако не настолько, чтобы удовлетворить меня, всегда жаждавшего отличных и поразительных результатов.

Изучив целый ряд книг по светокультуре растений, я установил, что лампы дневного света необходимо помещать над кактусами как можно ниже — до расстояния в 5 сантиметров (у сеянцев даже в 3 сантиметра), что набор ламп должен быть разным — лучший эффект дает сочетание трех ламп теплого дневного света ЛБ с одной лампой холодного голубоватого ЛД или ЛДС. Узнал я также, что красные лучи стимулируют рост растений и поэтому к лампам дневного света не худо добавлять за неимением красной (кото-

рую купить не купишь, а надо «доставать») обычные лампы накаливания — одну-две по 100 ватт.

И все-таки подлинный солнечный свет, особенно летом, незаменим ничем. Вот почему любители должны свыкнуться с мыслью, что летом кактусы нужно вывозить «на дачу», и чем раньше, тем лучше. Для тех, кто имеет сады, дома с участком, эта проблема облегчается, так как выстроить любую теплицу, тепличку, веранду, парник — дело умения, желания и вкуса. Проектов здесь бесконечное множество, и потому я их даже не описываю, скажу лишь, что, соорудив теплицу или хотя бы парник, можно наконец увидеть действительно растущие, цветущие и процветающие кактусы. Солнце в свежий воздух в сочетании с притенением и правильным режимом творят чудеса. Какие яркие многоцветные, мощные и здоровые щетины, иглы, шипы развивают кактусы, растущие с апреля по ноябрь в теплице, каким ярким, здоровым цветом наливаются само растения, как прибывает в объеме!

За неимением дачного участка тепличку можно соорудить в лоджии, если нет лоджии — на балконе, нет балкона — за окном, в виде законной полки, которую лучше изготовить из оргстекла. Хотя оргстекло довольно дорогой материал, а идут в дело преимущественно стекла, продающиеся в магазинах канцтоваров, оно обладает рядом ценных преимуществ: не бьется (но может лопнуть), хорошо пилится, сверлится, а следовательно, крепится винтами, легко клеится и, что самое ценное, пропускает ультрафиолетовые лучи, которые почти не пропускает обычное стекло. Законную полку, закрываемую сдвигающимися стеклами, нужно делать повыше, ибо на низких полках кактусы могут подгореть. Полка должна иметь и вентиляцию, а для привыкших, приученных к солнцу кактусов можно и вовсе снимать верхнее покрытие, особенно в августе и в сентябре, когда солнцу уже не так жжет.

ГРУППЫ КАКТУСОВ ПО СТЕПЕНИ ТЕПЛОЛЮБИВОСТИ

1. Кактусы умеренного пояса (опунции, хаматокактусы, ребуции, гимнокалициумы гиббозум, хубутензе).
2. Кактусы, нуждающиеся в значительном количестве теп-

ла весной, летом и осенью (абсолютное большинство видов).

3. Кактусы тропические, нуждающиеся в тепле круглый год (мелокактусы, дискокактусы, рипсалисы, бразиликактусы, гимнокалициумы денудатум и флейшериянум и подобные им).

ГРУППЫ КАКТУСОВ ПО СТЕПЕНИ СВЕТОЛЮБИВОСТИ

1. Любящие полное солнце (ореocereусы, опунции, тефрокактусы, белоопушенные цереусы, белые мамиллярии, фсрoкактусы, эхинокактусы).

2. Легкое притенение (подавляющее большинство кактусов).

3. Тепелюбивые кактусы (гимнокалициумы денудатум, флейшериянум, рипсалисы, кактусы-эпифиты).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ ДЛЯ КАКТУСОВ:

зимой с 4—5 часов дня до 8—9 часов вечера.

ЗАТЕМНЕНИЕ КАКТУСОВ ЛЕТОМ:

с 5—6 часов дня до начала рассвета.

Для усердия и искусства мало невыполнимого.

С. Джонсон

6.

МОИ «ТАМАУЛИПАСЫ»

Первые опыты оконного содержания кактусов были в общем все-таки удачными. Но, радуясь кактусам, замечая их новые колючки и здоровый летний прирост, я постоянно думал о том, что более прихотливые виды вряд ли будут расти прямо на подоконнике — об этом предупреждали и все руководства, какие я мог достать и перевести. И действительно, пока я имел дело с опунциями, эхиноп-

сисами, простенькими видами мамиллярий вроде Мамиллярии Вильда или Мамиллярии пролиферы, все было хорошо, но как только я привез из Москвы и Прибалтики около ста видов ценных и относительно редких кактусов, начались мои мучения: оранжерейные питомцы не желали расти на окне, «стояли», теряли цвет, мрачнели и покрывались пятнами.

Я уже писал выше, что, поскольку балкона у меня не было, я соорудил оконную тепличку, отгородив от комнаты выступ-эркер четырьмя сдвигающимися рамами, заходящими друг за друга. Всю работу по устройству тепличного эркера проделал сам — как-то уж так получается, что привыкаешь браться и за незнакомое дело, лишь бы избавиться от общения с умельцами, измеряющими свой труд в литрах, пол-литрах, бутылках, стограммах... Я пишу это лишь затем, чтобы призвать читателя идти моим путем, то есть приобрести несложные инструменты, как-то: рубанок (лучше полуфуганок), ножовку (ручная пила), молоток, долото, коловорот, калевку, которой, говоря на странном столярном языке, «отбираются четверти», а по-русски это значит — прострагиваются углубления для стекла (они же — фальцы), затем надо сделать чертеж, достать материал, и работа сама собой пойдет. Именно так я сделал рамы, остеклил их, в нижние и верхние торцы вставил в углублениях пластмассовые колесики, сделал для рам коробку, а чтобы они свободно передвигались в этой коробке, сверху и снизу прострогал желобки-дорожки. Остальное читателю известно, добавлю еще, что тепличка избавила меня от лишнего уличного шума, я, наконец, увидел бесшумные трамваи и почти бесшумные автобусы. Самое же главное — в тепличке установился микроклимат с той влажностью и свежестью, какая немыслима в комнате. Кактусы начали расти намного лучше.

Позднее у многих истовых кактусоводов я видел самые разнообразные теплички — оконные, балконные, выдвижные и выдвигаемые, с экранами-светофильтрами, с установками для подогрева, подсвечивания и увлажнения, с искусственным ветром и дождем, теплички, буквально начиненные всякого рода автоматикой, кибернетикой и телемеханикой. Строили их инженеры с глубокими техническими знаниями, умницы изобретатели, способные из сломанной швейной

машины сделать мотоцикл и автомобиль, а из старого агрегата от холодильника — установку-кондиционер, но моя простенькая тепличка была все-таки одной из первых в пятидесятые годы (по крайней мере в нашем городе), и я гордился ею. Я не представлял, однако, что тепличка в окне всего лишь первый шаг к обширному электрохозяйству, каким пришлось мне впоследствии обзаводиться. Испытав первые неудачи при посеве семян и выращивании кактусов, я пришел к выводу, что пора приняться за создание специальных микротепличек для посева, для подращивания сеянцев, а также и для особо редких, наиболее прихотливых кактусов, которым хочешь не хочешь, а надо создавать подобие климата родины.

К примеру, есть в Мексике штат с несколько затруднительным для нашего языка и уха названием Тамаулипас. Территория его тянется по побережью Мексиканского залива, а часть штата составляют горы Сьерра-Мадре, граничащие с не менее известными штатами Коагуила и Сан-Луис-Потоси. В штате Тамаулипас, как нарочно, собраны природой самые выдающиеся мексиканские редкости, здесь растут розеокактусы, Астрофитум астериас, замечательные белые мамиллярии. Но как воссоздать климат этого штата с его высокой влажностью, отвесным солнцем, чистым, насыщенным озоном и отрицательной ионизацией воздухом, с его росами в горах, темными ночами, которые намного длиннее наших летних ночей, и ясными сухими зимними днями, когда по месяцам стоит безоблачная погода, дуют ветры и температура даже в январе не опускается ниже 15—18 градусов?

Уже во время изготовления микротеплички для сеянцев, где обычные лампы накаливания оказались совершенно негодными, а лампы дневного света пришлось с трудом «доставать», равно как и многое другое: алюминиевый уголок, оргстекло, миниатюрные кнопочные выключатели, провод разного сечения, полированные доски и мало ли что еще, — я убедился, что моральные муки очень неприятны. Вот почему мне и сейчас хочется, обратиться к торговым деятелям, воскликнуть: «Да до каких же пор все нужное для постройки даже маленькой теплички приобретать у «дяди Пети», а не в государственном магазине? Почему надо искать и находить людей с настроженными взглядами, которые сначала долго

мскают-некают, а потом, изучив тебя, соглашаются «поговорить с ребятами?»» Ах, как хочется отойти от этих людей подальше, прийти в государственный магазин, где приветливая продавщица с оборотистой улыбкой достает тебе с полок и лампы, и полупроводники, и всякого рода пластики, клеи, винты-гайки-провода и слышишь ее голос: «Не угодно ли еще вот это? Или это? А может быть, вы купите замечательный полировочный лак? Или вот еще лампы новейшей конструкции...» И все завершится стремительной упаковкой, обвязыванием шнуром, щелканьем ножниц и новой улыбкой: «Пожалуйста, пожалуйста... Мы вам так рады... Спасибо за покупку... Будьте добры. Заходите еще...»

Справедливости ради надо сказать, что сейчас стало много больше хозяйственных магазинов и товаров в них появилось немало и даже магазин «Юный техник» открыт, где, как правило, толкуют далеко не юные покупатели, а вот насчет продавщиц... Иной раз стоит холодное косметическое диво, глядя сквозь тебя в ей лишь доступную даль, и боишься диво отвлечь от мечты, а отвлечешь, ответит трудно, смерив тебя взглядом: «Там все написано... Глаз-то есть... у вас...»

Как тут не пойдешь к «дяде Пете».

Владея уже неплохо пилой, фуганком, сверлами, долотом и стамесками, я довольно скоро изготовил приличную полированную коробку, сделал для нее стеклянный колпак-покрытие, так что стекла всегда можно было вынуть из пазов (мера необходимая, ибо к растениям всегда должен быть доступ со всех сторон). Смонтировал поднимающуюся и опускающуюся прямоугольную раму для блока с четырьмя лампами ДС (3 ЛБ и ЛДС). Дело осталось за оснащением теплички электрооборудованием. Но здесь-то и вышла заминка. Я с детства не лажу с электроприборами и с электричеством, еще с тех пор, как попытался превратить свой игрушечный автомобиль в машину с электродвигателем, для чего, привязав к ней веревочку, а к веревочке два гвоздя, вставил их в гнездо розетки... Опыт с изобретением электромобиля надолго отвадил меня от электроприборов, но и позднее, став взрослым, я боялся пробок, плиток, утюгов, люстр, потому что всегда почти, едва я брался за их починку, у меня что-то взрывалось, перегора-

ло, обдавало фонтанами искр в самом лучшем случае. Вот почему я не решился на монтаж оборудования из четырех ламп, ведь их надо было разобрать, расчленить, сами лампы установить вверху на поднимающейся раме, а все прочее заложить в низ ящика как подогревающие элементы.

Я призвал на помощь электрика из домоуправления, который согласился сделать все за четвертную и даже приступил к работе — развинтил лампы на составные части. Но затем, получив аванс, монтер не появлялся недели две, пойманный за рукав, обещал прийти «завтра», а потом канул куда-то в неизвестность, я же в то время заболел ангиной, и долгая надоедливая болезнь побудила меня самому взяться за дело. Лампы с отсоединенными «дресселями» и «стартерами», как называл их электрик, для тренировки я снова собрал, включил, боязливо моргая, в ожидании привычного взрыва, но — чудо! — лампы спокойно зажглись. Тогда, окрыленный успехом, я изучил в теории, что надо соединять параллельно, что последовательно, и приступил к «начинке» теплички оборудованием.

Не желая затруднять читателя лишними подробностями, скажу только, что в процессе изготовления еще четырех тепличек, одну из которых я назвал «Тамаулипас», я приобрел специальности столяра, жестянщика, слесаря-универсала, стекольщика, модельщика, дизайнера, а также электрика широкого профиля. Теперь я уже не боюсь пробок, исправляю, хотя бы под током, любую проводку, чиню плитки и утюги, меняю и провожу любое освещение, а также по нужде ремонтирую краны, смесители, сальники и производжу любые столярно-плотничные работы, к которым чувствую словно бы природное призвание.

А мои «тамаулипасы» имитируют климат, влажность, световой день любого мексиканского или бразильского штата, и сейчас я лишь бьюсь над проблемой изменения барометрического давления для воссоздания условий высокогорья. Теплички дают возможность выращивать сеянцы, кактусы-подростки, с тем чтобы сформировавшиеся растения приучить уже к более жесткому режиму оконной теплицы.

А для людей недоверчивых замечу, что, лишь обладая такими

тепличками, можно получить за два года взрослые экземпляры кактусов из семян, не забывая, конечно, о всех прочих условиях: земля, воздух, полив подходящей водой. Главное, что дают «тамаулипасы», — это световой режим и тепло. Молодые кактусы и сеянцы очень любят тепло, и, поддерживая его на оптимальном уровне 27—40 градусов днем и 17—20 ночью, можно добиться поразительных успехов в выращивании молодых растений.

Также ускоряет рост молодых кактусов высокая концентрация углекислого газа CO_2 . В парниках и теплицах концентрация газа значительно выше, чем в квартире, вот почему кактусы летом нужно обеспечить и таким «жильем», где они получали бы свежий воздух, естественный солнечный свет, пусть через притенение, и большое количество углекислоты от почвенных процессов. Идеальным было бы оборудование подогревом парника, хотя бы на ранне-весенние или осенние месяцы, но такое доступно лишь владельцам домов-особняков или капитальных дачных строений.

А вывод — чем больше условий, имитирующих природные, вы создадите растениям, тем больше радости и меньше огорчений ждет коллекционера.

НЕКОТОРЫЕ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- — взрослое растение на своих корнях, полное солнце
- — нуждается в притенении
- — сеянец (до трех лет) на своих корнях
- — детка
- — привитая детка
- — привитый сеянец
- — взрослое привитое растение или нуждающееся в прививке

- К — кристальная форма
Б — бесхлорофилловая форма
Л — лесное растение, лесная почва № 1
С — растение из саванны или степи, смесь № 2
П — пустынное растение, почва пустыни, смесь № 3
Г — горное растение, горная почва, смесь № 4

КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ

- I — особо редкие и трудные для выращивания растения
II — редкие растения
III — встречающиеся нечасто
IV — сравнительно обычные
V — распространенные или неприхотливые растения.

КАТЕГОРИИ РОСТА

- 1 — первый рост (от 1,5 до 2 см в диаметре)
2 — второй рост (от 2,2 до 4 см, высота столбовидных до 5 см)
3 — третий рост (от 4,2 до 7 см, высота столбовидных до 10 см)
4 — четвертый рост (от 7,2 до 10 см, высота столбовидных до 15 см)
5 — пятый рост (свыше 10 см, свыше 20 см)

7.

РАЗБОЙНИКИ, ГРАБИТЕЛИ, ВРЕДИТЕЛИ...

Во всех книгах о кактусах, переводных и отечественных, о болезнях и вредителях кактусов почему-то говорится скороговоркой. Можно подумать, что дело здесь обстоит вполне благополучно, а вырастить здоровое растение вообще не стоит никакого труда.

Между тем именно от вредителей и грибковых болезней гибнет множество растений, в первую очередь сеянцев, молодых кактусов, кактусов-редкостей, за которые были заплачены немалые деньги — ведь кактусы дороги, по крайней мере сейчас. Что можно сказать о тех, кто отнял у вас плоды долгих трудов и забот? Вероятно, подошло бы любое из двух первых существительных в заглавии

этого раздела. «Вот и занимайся после этого кактусами!» — воскликнет иной обескураженный читатель. Но поспешу его успокоить: если он не пойдет тем путем, которым поначалу шел автор, собирая коллекцию из всех возможных тогда источников и со всеми возможными вредителями, не имея ни литературы (ее и сейчас негусто), ни опыта (опыт приобретается на шрамах и ошибках), если сам станет выращивать кактусы из семян и будет строжайшим образом следить за чистотой и здоровьем своих питомцев, — может смело считать, что его коллекция будет процветающей.

Нахожу не лишним написать о вредителях подробно. Первым существом такого рода, с которым я встретился буквально сразу же, едва у меня оказались черенки и детки из ботанического сада, было беловатое насекомое, под лупой очень похожее на небольшую мокрицу. Существо это на вид довольно неподвижное, могло, однако, и быстро передвигаться по стеблю кактуса, но чаще просто сидело как бы в оцепенении в укромном уголке растения. Беловатые «мокрицы», размножались с удивительной скоростью, через день-два их было уже десятки, и они буквально облепляли кактусы особенно у макушек, выбирали места у точки роста и прямо на ней. Вначале на растении не было видно никаких повреждений, но вскоре кактус прекращал рост, останавливался, а если я не убирал насекомых, начинал и желтеть. «Мокрички» же словно возникали «из ничего». Спустя день-другой я находил их снова примерно в тех же местах и в том же количестве. Иногда я о них забывал или отмахивался: «А, потом! Некогда!» И тогда находил в углублениях растения как бы клочки ваты, стоило их тронуть, и из них вылетало облачко микроскопической пыльцы.

Тогда я не знал, что «мокричка» — это опаснейший и надоедливейший вредитель кактусов «мучнистый червец», существо, погубившее многие и многие коллекции нерадивых любителей. О червце этом пишут, что он «легко убирается кисточкой, смоченной в спирте». Вроде бы и всего-то! Но, во-первых, червец крайне устойчив ко всем ядохимикатам, его не уничтожает ни опрыскивание эфирсульфонатам, ни модным ныне цветофосом (кактус от цветофоса болеет и гибнет, а червец остается). Надобно знать механизм действия этого злейшего и упорнейшего врага кактусов.

Распространен он очень широко и есть в любой хоть сколько-то запущенной коллекции. Он может быть как на поверхности растения, так и на корнях (в земле!), отчего растение сразу останавливается в росте и быстро хиреет.

Из Москвы я завез еще более ужасную форму этого вредителя — червец мелкий, почти микроскопический и размножающийся буквально мириадами, мне «продал» его очень обходительный старичок на птичьем рынке, старичок, у которого не советовали брать кактусы более опытные любители. Я не послушался их совета и был горько наказан. Борясь с этим видом червца, я и мыл кактусы, и погружал их на сутки под воду, и устраивал горячие ванны по совету «опытных» любителей, в результате обжег многие растения, а червец остался.

Тогда я принялся за изучение этого противника и установил совершенно точно механизм его действия на кактус. Каждый червец стремится прежде всего добраться до вершины растения, там вокруг точки роста всегда наиболее нежные ткани, в которые и втыкает насекомое свои две сосущие щетины, подобно тому, как делает это комар или клещ. Щетины микроскопически малы, а значит, остры и легко пробивают ткань кактуса, проходят в отверстия оболочки, но помимо питания соком кактуса червец взводит в точку внедрения, а значит, и в точку роста парализующую жидкость — яд, который действует настолько сильно, что даже «укус» одного червца, даже убранного затем, надолго, иногда на месяцы останавливает рост кактуса. Что же говорить, если червцов много? Мелкий червец очень похож на крапинки на стебле кактуса, например астрофитумов; «окуклившиеся», то есть покрытые «ватой» и превратившиеся не во что иное, как в кладку из сотен микроскопических яиц-зародышей, насекомые (неправда ли — интересный способ продления жизни?) очень похожи на белое оклочкование, которое есть у многих кактусов на вершине и ближе к вершине, например у мамиллярий.

Смыть червца струей воды очень трудно, он цепко держится; истребленный на поверхности растения, забирается в корневую систему. «Пыльца» разносится особенно в сухом воздухе на все соседние растения, кроме того, червцы оставляют и пакеты с

кладкой, похожие на белый треугольный накопечник стрелы. Забравшись под густые щетины мамиллярий, червец становится почти неуязвимым, кроме того, не надо забывать, что для маленького кактуса это существо довольно велико, как если бы на человека напал клоп, скажем, величиной с ворону... Особенно опасно поражение червцом для сеянцев и молодых кактусов. Можно утверждать, что, если на сеянце побывали червцы, растения уже не могут оправиться, растут очень плохо, хиреют, а там, где сидело насекомое, остаются уродливые вмятины.

Вот почему любитель должен самым пристальным образом следить, не появился ли этот враг номер один в его коллекции, а при появлении «бить тревогу», как любят писать в газетах начинающие журналисты. Растение, где обнаружен червец, надо немедленно изолировать от остальных, промыть с кисточкой водой, после чего поместить в кастрюлю, стенки и дно которой обкладываются газетами, а газеты опрыскать цветофосом и плотно закрыть кастрюлю крышкой, скажем, на ночь или на сутки. Учитывая тошнотворный одеколонный запах цветофоса, процедуру эту лучше устраивать либо на балконе, либо в нежилом помещении или на воздухе. Газовая камера уничтожает червца радикально, всякие же опрыскивания, «корневые ванны» и прочие якобы панацеи не дают стопроцентного результата. Самое главное — не допустить появления червца. Вот почему коллекция, сразу выращенная из семян, — опять же самая лучшая. А всякий купленный кактус надо не торопиться ставить в коллекцию и выдержать сутки под стеклянным колпаком, куда ставится баночка с эфиром или кладется ватка, смоченная этим же веществом.

В борьбе с корневым червцом эффективна и поливка земли раствором очень сильного яда рагора, 40—50 капель на литр с соблюдением всех предосторожностей, ибо рагор еще более тошнотворно пахнет, чем цветофос, и более ядовит. Но можно сказать с абсолютной точностью, что, если вы не обзавелись червцом «верхним», его не будет и на корнях, если же он есть на корнях, то будет и вверху. Неплохо помогал от червца дуст или гексахлоран, которым опыливалось все растение, но теперь оба эти химиката не производятся и не применяются, ибо оказались после

целого двадцатипятилетия активного применения общеядовитыми и даже накапливающимися в тканях...

К врагам, лишь немногим менее опасным, но не менее надоедливым, я бы отнес мелкое черноватое насекомое «мошку» — трипса. О трипсе, о плодовой мушке-дрозофиле и так называемых грибных комариках вообще почти не говорится в литературе, а между тем они стоят серьезного разговора. Как-то, сосредоточив всю энергию на борьбе с червецом и нематодой, о которой еще будет сказано, я совершенно не обращал внимания на мошек, что летали в тепличке и бойко бегали по горшкам с кактусами. «Что они могут сделать? Пусть летают. А может, они еще и полезны чем-нибудь...» — так рассеянно думал я. Я и не знал, что, если в тепличке появилась хоть одна такая мошка, значит, уже обязательно есть хотя бы один обреченный на гибель кактус, а если мошек много, коллекция **ВО-ОБЩЕ ПОД УГРОЗОЙ.**

Спустя какое-то время я обнаруживал, что тот или иной кактус как будто чуть-чуть осел или даже более «ощетинился», тронув его, я убеждался, что кактуса нет вообще, а есть лишь скорлупа с кожицей и колючками, в лучшем случае выяснялось, что у кактуса нет корней, они сгнили довольно странно — превратились в чехлики из кожицы, а внутри них, как и внутри кактуса, обнаруживались мелкие белые червяки, совершенно подобные тем, каких все находили в иструженных ножках грибов. Поиски истины привели меня к черноватой бойкой мошке с белыми поблескивающими крыльями (это самки, а самцы и потомство вообще как будто бескрылые, мелкие черные твари, кишачие под горшками и в земле). Очевидно, крылатая самка трипса или грибного комарика заражает кактус грибковой или бактериальной гнилью, после чего откладывает на пораженное место яйца, и личинки, внедряясь в загнившее растение или в корни, быстро довершают дело. Кактус гибнет, а из земли (достаточно ее слегка пошевелить) вылетают все новые и новые насекомые, которым дела нет до ваших печалей.

Избавиться от трипсов еще труднее, чем от червца. Трипсы водятся преимущественно зимой, осенью и весной во всех квартирах. Они есть в гниющем луке, яблоках, моркови, и я подозреваю,

что гниль плодов и фруктов вызывают как раз эти насекомые, их до сих пор никто толком не исследовал. Бороться с трипсами следует, во-первых, поливая почву в горшках осенью раствором рагора, во-вторых, засыпать шейку кактуса и поверхность земли мелким гравием или крупным песком, что трипсы не любят. По моим наблюдениям, в горшках, присыпанных камнем, растения страдали реже. И, наконец, надо брать за правило немедленно уничтожать любое летающее и ползающее насекомое внутри теплички, помня, что друзей тут нет.

Третий враг кактусовых — корневая, или галловая, нематода относится уже не к насекомым, а к червям, точнее к круглым червям, напоминающим глистов. Нематоды — это как бы растительоядные глисты, живущие повсюду в почвах и питающиеся соками корней всевозможных растений. Особенно много нематод в огородной земле, там, где десятилетиями росли капуста, картофель, морковь. Нематоды исследованы гораздо больше, чем червецы и трипсы, о них с ужасом пишут в кактусоводческих книгах, в то время как я по опыту считаю их врагами несравненно менее опасными, чем названные выше.

Сама по себе нематода почти не видна — микроскопический червь. Однако если бы вы увидели, как выглядит ее оружие-копье, вы поразились бы, до чего изобретательна природа. Представьте себе сложный острый многогранный штопор в сочетании со шприцем и кинжалом — это и будет «копье» нематоды (у разных видов копьа разные — короткие, длинные, имеющие всевозможные крючья, прищепки и зазубрины). С помощью копьа нематода пробивает чехлики корней, держится на корне и пьет через свой рот-шприц нужные ей соки. На местах, пораженных нематодой, корни болят, на них образуются наросты и клубеньки — галлы. Мелкие нематоды проникают внутрь корней и стеблей. Через отверстия, пробитые «копьями», в корни попадают гнилостные бактерии и грибы. Вот почему кактусы, посаженные в непропаренную землю, получают зачастую и комплект нематод, которых в нашей луговой, полевой, лесной земле гораздо больше, чем на родине кактусов. Особенно много нематод в тяжелой глинистой почве, потому что здесь им и легче удерживаться на корнях, и легче размножаться. Нематоды

устойчивы к ядохимикатам, хотя рагор многих из них губит. Особенно устойчивы не самые нематоды, а их цисты, кладки в особых оболочках, которые сохраняют жизнеспособность в самых разных условиях годами. Кладки помещаются в утолщениях корней — галлах. Лучший способ борьбы с нематодой — корневая ванна для пораженных растений (15 минут в 45-градусной воде), с пересадкой затем подсушенных, обрезанных до здорового основания корней растений в пропаренную землю. Нематод легко занести и с поливом кактусов водой из пруда, реки. Вот почему поливать надо дождевой водой или водой кипяченой. Радикальный способ — обрезка всех корней и укоренение заново — не всегда хорош. Кактус, восстанавливая корни, естественно не растет, новые корни редко лучше первичных, и вообще растение от подобных процедур ослабляется, рекомендовать полную обрезку корней можно лишь как исключение.

Врагом номер четыре, о котором зато в голос пишут все, и очень обстойтельно, является паутинный клещик. Он действительно может попортить кактусы, на обгрызенных местах появляются светлые стекловидные пятна, подобные пятнам от ожогов. Но клещ легко уничтожается опрыскиванием раствором эфирсульфоната, 1 грамм на 1 литр воды. Эфирсульфонат бывает в продаже. И двухразовое с недельным интервалом опрыскивание этим ядохимикатом достаточно для того, чтобы избавиться от клеща. Опрыскивают обычно всю коллекцию весной и осенью перед зимовкой.

Не страшна и сравнительно редка и кактусовая щитовка, ее легко уничтожить обычным осмотром. Зато грибковые заболевания вроде «черной ножки», пятнистой гнили, фитофторы и т. п. для кактусов губительны. Грибы (плесени и разного рода разрушители живых тканей) появляются в первую очередь там, где есть упомянутые выше вредители — насекомые и нематоды. Можно почти утверждать, что если нет вредителей — насекомых и нематод — нет и грибковых болезней. Грибы нападают прежде всего на растения ослабленные, с поврежденными корнями или кожей-кутикулой. Главные союзники грибов — холод, сырость, темнота. Противники — свет, высокая температура, сухость. Из ядохимикатов — препараты, содержащие медь, серу, известь. Раствор медного купороса хорошо

предохраняет семена и молодые кактусы от грибковых болезней. Неплох также раствор хинозола. Грибковые заболевания легче предупредить, чем лечить. Основное правило: не допускать появления вредителей-насекомых, не держать кактусы во влажном холоде, сухость зимой, пропаренная земля, профилактическое опрыскивание купоросом (хинозол несколько сдерживает развитие растений).

Самое важное правило: немедленная изоляция загнившего семени или взрослого растения. Всякая «жалость» здесь обернется большим уроном.

Вирусные болезни кактусов, к сожалению, не лечатся, но и сами растения ими болеют редко. Можно утверждать, что, если коллекция содержится правильно, никакие грибки, нематоды, трипсы, червцы и клещи ей не страшны.

ОЦЕНКА РАСТЕНИЙ НА ВЫСТАВКАХ

На выставках, устраиваемых клубами кактусоводов, возникает необходимость оценить растения. Строгой же системы оценки, которая была бы проста и в то же время учитывала все стороны и качества представленных в экспозиции кактусов, пока нет. Автор предлагает систему оценки, где учитываются внешний вид кактусов, цветение, сформированность, отсутствие или наличие повреждений, возраст растений и степень их редкости,— все эти факторы немаловажны, если учесть, что вырастить здоровое растение редкого вида на его собственных корнях и в течение многих лет неизмеримо труднее, чем «выгнать» молодой кактус неприхотливого вида или даже вид более редкий на мощном подвое.

За основу берется средняя по количеству видов и растений экспозиция — 40—50 шт., возраст которых не должен быть менее трех лет. Занявший первое призовое место на следующий год участвует в выставке вне конкурса, либо должен представить в экспозиции удвоенное количество видов растений.

Победители конкурсов могут через определенное время сформировать «высшую лигу» и участвовать в выставках в своей лиге, что будет способствовать качественному росту любительских коллекций.

Отдельно могут проводиться выставки и конкурсы растений-сеянцев до 3 лет.
Предлагаемая система успешно применяется при оценке кактусов в свердловском клубе «Цереус».

ТАБЛИЦА ДЛЯ ОЦЕНКИ

	Проценты				
	20	40	60	80	100
	Баллы				
1. Цветущие растения и растения с признаками цветения — бутоны, плоды, следы плодов или бутонов (кроме столбовидных кактусов)	1	2	3	4	5
2. Растения на своих корнях (кроме кристатных и бесхлорофилловых форм)	1	2	3	4	5
3. Растения имеют повреждения, следы вредителей, неправильно сформированы, слабые колючки и опущение	-1	-2	-3	-4	-5
4. Название растений не соответствует виду, нетипичный вид, гибриды	-1	-2	-3	-4	-5
5. Растения принадлежат к I, II, III категориям	1	2	3	4	5
6. Растения старше 7—10 лет (7 лет для I категории)	1	2	3	4	5
7. Растения отлично сформированы, опущение и колючки хорошо развиты	1	2	3	4	5

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Высшая возможная оценка 25 баллов.
2. Минусовые баллы вычитаются из общей суммы.
3. Количество оценивающих не должно быть меньше трех, общее место присуждается по сумме баллов, выставленных всеми членами жюри.
4. Членами жюри не могут быть участники выставки.

КОЕ-ЧТО ИЗ ОБЛАСТИ ХИРУРГИИ

Автор сразу же хочет оговориться: раздел этот он излагает не по своим наблюдениям, так как почти все кактусы выращивает на их собственных корнях. А прививкой занимается очень редко, лишь когда она абсолютно необходима.

Автор не призывает никого следовать его методу, ибо не хочет иметь воинствующих критиков из числа любителей прививок, которые сейчас же воскликнут: «Да как можно не прививать кактусы?! Да на подвое же они растут лучше, быстрее, красивее! На подвое они неприхотливы! Надо, надо, надо все и все прививать!» Автор ответит: «Правильно. Превосходят. Ростом, развитием, цветением. На здоровье прививайте, а мне просто больше нравятся растения на их собственных корнях, нравится возиться с ними, узнавать и угадывать их прихоти...» В общем, здесь тот самый спор, когда обе стороны правы.

Сам же автор занимается прививкой в следующих случаях:

Когда надо попытаться спасти гибнущее редкое растение.

Когда нужно привить кристатную (гребенчатую) форму, которая на своих корнях тоже растет, но растет хуже.

Когда необходимо вырастить бесхлорофилловую желтую или красную форму.

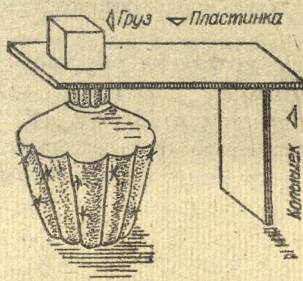
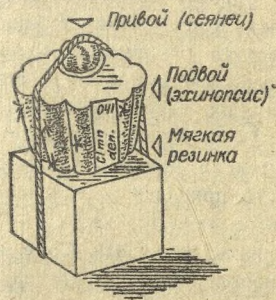
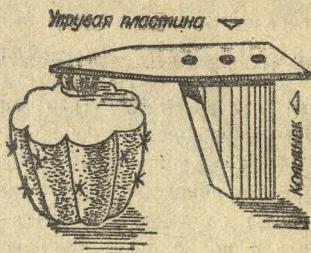
Когда нужно «подогнать» чрезмерно медленно растущий кактус.

Когда желательно получить пораньше цветущий экземпляр кактуса.

О прививках кактусов хорошо и подробно рассказано во всех книгах на «кактусовую тему», отечественных и переводных, автору остается лишь перечислить главное, ибо ничего нового и собственного при относительно малом опыте прививок он не открыл.

Итак, для прививки прежде всего нужен здоровый, растущий и подвой. Чаше всего это эхинопсис или селеницереус, реже трихоцереус, гелиоцереус¹, пейрескиопсис и вообще любые

¹ Слово *хилоцереус* ряд любителей считает необходимым произносить как *гилёцереус*. Вряд ли это обоснованно, ибо латинское *H* произносится как нечто среднее между русским *Х* и *Г*.

(По книге О. Турдыева, Р. Седых, В. Эрихмана «Кактусы»)

не слишком жесткие быстрорастущие кактусы с мощной неприхотливой корневой системой. Подвой бывают постоянные (скажем, для кристатных форм — толстые надежные цереусы) или временные (для выгонки сеянцев с последующим снятием и укоренением).

Подвой выращивают отдельно и специально для прививок.

Перед прививкой (лучше ее делать весной и летом в ранние утренние часы) подвой, растущий в горшке и поставленный на ночь в плоску с водой, срезается «на пень». Срезается у пня также по всей окружности край — фаска. Затем очень острым ножом, скальпелем, бритвой на пеньке подвой срезается тонкий пластик ткани и оставляется неснятым. Нож после каждого среза протирается ваткой, смоченной в спирте. Быстрым ровным движением с прививаемого кактуса-черенка делается срез, а с подвоя сталкивается уже ранее срезанный пласт, и оба кактуса соединяются срезами в один, так, чтобы кольца сосудов, видные хорошо при срезе, совпали приблизительно. Точность здесь не нужна. Далее накладываются не слишком тугие резиновые кольца или грузы на нитках (последние, по-моему, лучше), и кактус ставится на неделю в теплое место без прямого солнца. Надо помнить, что прививка не всегда будет удачной, особенно на первых порах, пока «хирург» неопытен. Здесь помогает лишь одно: прививать, прививать, прививать. Но в любом случае у одних хирургических способностей больше, у других меньше и стопроцентно успешных прививок почти не бывает.

Прививать можно любую часть кактуса, при известной тренировке даже всего одну ареолу.

Чтобы не портить кактусы, «тренироваться» на быстрый срез лучше на других толстых сочных растениях или корнеплодах. Удерживать кактус при прививках надо пояском из бумаги. «Набив руку» на срезах, переходят на опытную прививку и перепрививку малоценных кактусов. И лишь после этого можно пытаться прививать кактусы редкие и ценные. В ином случае разочарования будут бесконечны.

Для получения деток, особенно от чем-то попорченных кактусов, срезают верхнюю часть растения (ее стоит привить), а нижняя станет пеньком — «поставщиком» деток, которые образуются чаще по

краям среза. Верхние детки укореняются лучше, чем те, которые возникают у нижней части «пня».

Для укоренения черенков, деток и вообще всякого рода кактусов, потерявших корни, их нужно обрезать до здоровой ткани, срезать подобно тому, как это делается перед прививкой, боковую часть вокруг всего основания присыпать угольным или серным порошком и обязательно подсушить в течение трех-десяти дней в зависимости от величины и сочности кактуса. Большие и толстые черенки без ущерба могут лежать или стоять в теплом притененном месте до месяца. Подсушенные кактусы либо укореняют «всухую», то есть просто ждут появления беловато-желтых зачатков корней, либо, что лучше, добиваются появления этих зачатков в специальном укоренителе. Укоренителем может служить пластмассовый или металлический сосуд, на дно которого кладется прокипяченный мокрый песок, выше вставляется пластмассовая или хотя бы деревянная решетка, и кактусы помещаются в ней так, чтобы срез не доходил до песка на один сантиметр. Вся эта установка помещается в тепличку с подогревом снизу. Корни обычно появляются через неделю или раньше. Можно укоренять кактусы после подсушивания прямо в почве, разумеется, тщательно пропаренной, состоящей из трети земли, трети угля и трети, а лучше половины песка. Посаженные в земляную смесь черенки несильно увлажняют и обязательно подогревают снизу лампой накаливания или дросселями в тепличке. Подогрев стимулирует образование корней. И обычно кактус укореняется, за исключением отдельных видов, которые трудно дают корни. Прежде всего это астрофитумы орнатум и мирностигма, некоторые пародии, нотокактусы, ребуции, в особенности снятые с прививок, а также старые, неотдохнувшие кактусы и растения, которые были поражены грибковой гнилью.

Вообще же нужно помнить: перевод кактуса на собственные корни после прививки— дело нелегкое и не всегда удачное, требующее от растения запаса жизненных сил; укорененный кактус редко цветет в тот же год и теряет примерно половину или весь годовой прирост, а новые корни почти всегда слабее первичных основных корней.

И еще один аргумент против прививки: рано или поздно приви-

тый кактус отторгает или использует, поглощает подвой, тогда приходится решать трудную задачу, укоренять уже взрослое избалованное чужими корнями растение или перепрививать кактус на новый подвой, что для старых растений также дело весьма нелегкое.

9.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ РЕДКИХ КАКТУСОВ

Странно устроен человек. Почти всегда стремится он завладеть чем-то исключительным, редким, по крайней мере тем, что встречается нечасто, и особенно одержимы этой страстью коллекционеры. Удивительное это желание заставляет их платить подчас невероятные, как говорят, сумасшедшие деньги за право обладания редкостью, которая на иной, неколлекционерский вкус и взгляд вполне пригодна для выброса, а уж внимания, тем более благоговения абсолютно не вызывает. Платит толстосум-миллионер сотни тысяч за невзрачную линияющую марку, за ветхий клочок бумаги, только потому, что эта марка первая; выкладывают миллионы за сомнительную живопись с подписью Гогена, Ван Гога; гоняются за скрипкой творений Страдивари, хоть может быть гораздо хуже ее звучание иного современного инструмента. Античная монета, окуроч Черчилля, пуговица с мундира Наполеона, архаическая камея, да мало ли что еще коллекционируют подобные фанатики, и почти не отличаются от них коллекционеры-кактусоводы (и автор тоже), подавай им в коллекцию прежде всего редкости, уникамы, раритеты, хотя часто вроде бы столь же невзрачны они, как и упомянутые выше предметы. Да что поделаешь — такова человеческая натура...

Во многих письмах, полученных автором после выхода первого издания книги, прямым вопросом или подтекстом высказывалось желание узнать как можно больше о содержании, выращивании, а следовательно, вкусах и привычках редких кактусов. Многие читатели желали получить от автора семена этих растений. Запросы были хотя и деликатно изложены, однако весьма категоричны. «Нельзя ли прислать (получить) семена кактусов 1-й—2-й катего-

рий». «Пришлите, пожалуйста, семена редких опунций (тефрокактусов), желательнее не очень высокорослых...» Запросы-заказы эти, к сожалению, я не могу выполнить, ибо располагаю не плантацией кактусов где-либо в Колорадо или Нью-Мексико, а всего лишь оконной коллекцией, к тому же не в Алма-Ате, Ташкенте, на худой конец, в Киеве, а на Урале, где зима, по выражению шутовиков, двенадцать месяцев, а все остальное лето. Двенадцать — не двенадцать, а два с половиной — три месяца теплый сезон на Урале, вот и умудрись тут получить роскошно развитые, цветущие и к тому же плодоносящие, дающие семена опунции редких видов и вообще кактусы упомянутых выше категорий. Не располагает автор также и отопляемыми оранжереями. В отопляемых оранжереях на Урале выращивают огурцы, но никак не орхидеи и не кактусы. Такова первая часть проблемы, и сам автор в отношении семян редких видов вынужден перебиваться, как повезет, покупать их втридорога у неких преуспевающих «бизнесменов», иного пути пока нет, ибо государственная торговля семенами находится все еще в той же стадии непонимания и неподвижности.

И все-таки, желая хоть как-то помочь любителям, ответить на многочисленные вопросы и поделиться многолетним опытом содержания кактусов, автор решил написать специальную главу об особенностях выращивания именно редких и трудных растений.

Убежден, что правильное отношение к редким, а значит, капризным, суровым, нелюдимым, колючим, неуступчивым и, может быть, даже одиноким растениям не выработать даже десятилетним общением с кактусами. Редкие кактусы надо изучать всю жизнь, а накопленный опыт передавать следующим поколениям любителей.

Но сначала определим точнее, что такое редкий кактус.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОЧЕВИДНО — это кактус, не часто встречающийся в природе. Далее следует, что вид приурочен к одной, обычно не слишком большой территории, даже местности, где он произрастает, и более нигде не встречается. Причиной является обычно древность вида, существование на грани вымирания, а потому и сохранность в местностях, где экологический, климатический, почвенный режим не менялся тысячелетиями и даже сотнями тысяч лет. Такие живые ископаемые именуют реликтами, а по ограниченности

распространения (иногда всего где-нибудь на одной горе или даже склоне) — эндемиками.

Растения редкого вида, а часто и рода, найти трудно еще и из-за миниатюрной величины, покровительственной мимикрирующей окраски и формы (для примера — розеокактусы, ариокарпусы, мелкие крупноцветковые мамиллярии, сулькоробуции, блоссфельдии и т. п.). Редкий кактус обычно великолепно прячется среди травы, камней, кустарников, песка и сухой пыльной земли. Встречаются такие растения чаще всего в труднодоступных местностях, таковы южноамериканские дискокактусы, узбельмании, высокогорные виды пародий, лишь недавно появившиеся в коллекциях. Наконец редкий кактус в природе служит весьма часто объектом добычи для местного населения, приписывающего редкостям какие-нибудь чудодейственные свойства. Так, индейцы ищут и собирают лофофоры, ацтекиумы, розеокактусы и некоторые другие виды для продажи и всевозможных знахарских дел, а сбор растений человеком может привести любой вид, и не только редкий, к полному исчезновению. Стал же, к примеру, редчайшей находкой дикий женьшень из-за того, что масса любителей и самодельных «корневщиков» буквально прочесала все дальневосточные дебри, хотя ценность женьшеня, как выясняется, скорее легендарная, чем воистину всецелительная, и попытки представить его как эликсир жизни и молодости не слишком объективны.

Вернемся же, однако, к редким кактусам.

Кактус, редкий в природе, как правило, редок и в коллекции. И здесь он задает любителю загадки почище, чем на родине.

О добывании семян таких растений уже было сказано.

ДАЛЕЕ надо, чтобы эти семена были всхожими, то есть не потеряли сроки вегетации и не поражены грибковыми и вирусными инфекциями. Зараженные семена — это хорошо видно в сильную лупу — покрываются уже на второй-третий день белыми или ржавыми «палочками» и «шариками» грибов, и ждать всхода здесь абсолютно бесполезно.

В-ТРЕТЬИХ, элитарный кактус, как назло, часто первым заболевает и гибнет уже в посеве, доказывая пословицу, что волк всегда нападает на ту овцу в стаде, которая одна у хозяина.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, редкое растение почти всегда ведет себя не так, как его более-менее обычные собратья. Что хорошо для них, плохо для него.

В-ПЯТЫХ, аристократы кактусового мира не всегда бывают красавцами, скорее это невзрачные растения, и где им до какого-нибудь ореоцереуса или мамиллярии. Лишь при исключительных обстоятельствах и условиях содержания такой кактус открывает свою неброскую красоту, и ту скорее отнесешь на счет любительского восторга и энтузиазма.

В-ШЕСТЫХ, редкий кактус, если уж не гибнет,— упорно не желает расти (речь идет о корнесобственных, а не привитых экземплярах!). Кто мучился с ариокарпусами, розеокактусами, стромбокактусами, лейхтенбергиями, обрегониями, даже турбиникарпусами и корифантами, копинапоа и неочилениями, тот разделит мнение автора.

В-СЕДЬМЫХ, он не цветет многие годы, а если зацветает, то в неположенные сроки (например, осенью) и не дает семян.

В-ВОСЬМЫХ, на редкий кактус как ни на какой другой наваливаются вредители — трипсы, клещи, червецы, нематоды и прочая напасть из мира энтомологии и гельминтов (автор научен горьким опытом, ибо каждый из немногих, правда, сердитых читателей, тех самых, которых он довольно прозорливо назвал читателем принципиально несоглашающимся, старались упрекнуть либо в недостаточном знании латыни, либо общей биологии. Отсюда стремление автора в данном разделе пользоваться всем арсеналом наукообразной лексики, которой в остальных и первоначальных главах он старательно и сознательно избегал злоупотреблять).

В-ДЕВЯТЫХ, редкий кактус не любит и подвой, а корни способны терять как будто от сверхъестественных причин.

В-ДЕСЯТЫХ, он не переносит словно ни кислой, ни кислотной, ни полущелочной, ни щелочной, ни глинистой, ни дерновой, ни торфяной, ни листовой, ни лесной, ни степной, ни пустынной, ни горной почвы.

В-ОДИННАДЦАТЫХ, капризный кактус при прохладной зимовке сморщивается и гибнет.

При теплой — загнивает и также пропадает.

В-ДВЕНАДЦАТЫХ. При ограниченном поливе он довольно быстро кальцуется, обрастает желтым налетом нерастворимого кальция, как следствие, иссыхает. При обильном поливе валится от «черной ножки», грибковой гнили, поражающей в первую очередь корневую шейку, и горько бывает видеть такой, обычно прекрасный вид — с целыми корнями — гибнущий, так сказать, со средней линии.

В-ТРИНАДЦАТЫХ, он не желает расти на западных, южных да, в общем, и восточных окнах, не говоря уж про северные.

И, наконец, **В-ЧЕТЫРНАДЦАТЫХ,** редкий кактус определенно не любит, чтобы его трогали, экспонировали и как будто даже осматривали и фотографировали.

Перечислив все то, что элитарные кактусы не любят, отрицают и не переносят, хочется спросить: так стоит ли с ними возиться, тем более что они не потрясают воображение красотой и к тому же почти все относятся к медленно растущим миниатюрным видам? Однако, возвращаясь к письмам, читаешь: «Мало сказано о выращивании редких растений. Мало фотографий редких растений».

Оказывается, растения такие желают видеть и иметь все, несмотря на их нероскошную физиономию. Желают знать о их капризах в первую очередь не начинающие (парадокс?), а весьма просвещенные любители, постигшие тайны кактусового мира порой глубже автора.

Автор в этой главе еще раз подчеркивает, что его знания ограничены его собственным опытом, что он не собирался и не собирается соревноваться и состязаться ни с кем и охотно уступает пальму первенства любому кактусоводу, считающему, что он знает вопрос лучше, объемнее, совершеннее.

Естественно, автор желает успеха всякому, кто глубже, полнее разобрался в данной проблеме.

Отвечать на вопросы по содержанию редкостей следует, видимо, с перечисления их. Прежде всего сюда относятся почти все кактусы первой категории (см. стр. 133) и, кроме того, кое-какие группы из категорий два и три. Сокращенно это виды из родов Ариокарпус, Розеокактус, некоторые астрофитумы, дискокактусы, мелокактусы (береговые формы), часть белых и цветных мамиллярний, почти